

18+

Дарья Анпель

Девятый всадник

Часть 3

Дарья Аппель

Девятый всадник. Часть 3

«Издательские решения»

Аппель Д.

Девятый всадник. Часть 3 / Д. Аппель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-983038-8

История графа Христофора фон Ливена продолжается. На дворе 1801 год, а на престоле — новый государь. Впереди грядут большие изменения, в которых граф должен принять участие. Будущее кажется решенным, но высшие силы, как всегда, вносят свои коррективы в жизнь главного героя и круто меняют его жизнь.

ISBN 978-5-44-983038-8

© Аппель Д.
© Издательские решения

Содержание

ДЕВЯТЫЙ ВСАДНИК	6
ЧАСТЬ 3. Служба в красном	7
Пролог	7
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Девятый всадник

Часть 3

Дарья Аппель

© Дарья Аппель, 2020

ISBN 978-5-4498-3038-8 (т. 3)

ISBN 978-5-4496-2665-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДЕВЯТЫЙ ВСАДНИК

ЧАСТЬ 3. Служба в красном

Пролог

Санкт-Петербург, май 1801 года.

«Христофор, по поводу тебя я все решил. Ты остаешься при мне. В должности я тебя утверждаю, потому как не представляю, что делать в твое отсутствие», – император Александр склонился над бумагой, не глядя на лица собравшихся, все из которых входили в его самый близкий круг. Солнце косыми лучами ложилось на зеленую обивку мебели, на письменный стол и позолоченный письменный прибор, создавая вокруг головы государя словно бы ореол, как на портретах

«Все ли это видят, или мне только кажется?» – думал граф Кристоф, стоя перед государем. Услышав его повеление, он склонил голову и сделал шаг назад. «Благодарю вас, Ваше Величество», – произнес он. – «Постараюсь служить вам столь же верно, как и...», – он запнулся, потому что в очередной раз напоминать императору о его потере, из-за которой Александр терзает совестью, не хотел. При этом он почувствовал, что на него обращены взгляды всех остальных присутствующих: испытующие, недоуменные, а то даже изумленные его внезапно приключившимся заиканием, которого прежде за ним не замечалось.

«...Как и ранее», – фразу он обрубил резко, потом побледнел слегка и опустил глаза.

Государь фразу не заметил, и перешел к другим.

«Пьер, ты остаешься при свите», – обратился он к князю Долгорукову. – «Моим личным адъютантом».

«Ты, князь, идешь товарищем к графу Ливену», – продолжил император, обращаясь к Волконскому.

«Рад служить вам, чем могу, Ваше Величество», – отозвался князь Петр. Кристоф выразительно посмотрел на него, но его широкое лицо не отразило ни радости, ни удивления.

«Твою преданность я всегда буду помнить», – продолжал Александр.

«Что же касается вас...», – он взглянул на стоявших по левую руку от стола графа Строганова, его кузена Новосильцева и сдержанного, как всегда, Кочубея, которого Кристоф не сразу заметил. – «Мы поговорим об этом отдельно».

«...Конечно, они другое дело», – говорил графу Ливену Пьер Долгоруков чуть позже вечером, когда они сидели у него в гостиной и обсуждали новые назначения. – «Мы с тобой кто? Простые служаки. „Подай-принеси“, вроде наших камердинеров. Ну а эти... Еще поляка забыли, как его, Чарторыйского. Так вот, они особая статья».

Кристоф особо не вслушивался в слова своего приятеля, позволяя ему разоряться на этот счет сколько угодно.

«Какая тебе разница? Никто ж со свиты не гонит», – спросил он равнодушно, разглядывая немного неровные кончики своих ногтей.

«А такая разница, что у них будет вся власть. Они – личные друзья. Не ты, не я, не Волконский даже... А вот эти якобинцы, поляки, бастарды знатных родителей, племянники богатых хохлов и хрен пойми кто еще», – продолжал разоряться Долгоруков, попивая вино из бокала.

«Пустое. Всякое в жизни может поменяться еще тысячу раз, и ты будешь со смехом вспоминать все, чего опасался нынче», – философски заметил Ливен. Его настроение последнее время было умиротворенным, как никогда, и думал он о недавно купленной даче на Каменном острове, недалеко от государева дворца, который Александр хотел сделать своей летней резиденцией. Дом был двухэтажный, довольно просторный, с большим яблоневым садом при нем

и обширными зарослями сирени, буйно разросшейся вокруг. Когда граф только переступил порог этого жилища, то сразу понял: он хочет здесь жить. Не только летом, но желательно всегда. И вот, он уже подписал купчую, ее заверили подписями, и вскоре предстояло туда переехать...

«Ты нынче мудр, как никогда», – проговорил Долгоруков. – «Мне бы столько мудрости».

«Я же говорю, рано еще о чем-то переживать. Лучше скажи, как оно было в Смоленской губернии».

«Как в раю», – откликнулся князь.

«Серьезно?»

«Абсолютно серьезно», – усмехнулся князь Петр. – «Причем рай был мусульманский. Повсюду хорошенькие гурии...»

«О да, я уж боялся, что ты холостым оттуда не уедешь», – проговорил Кристоф.

«Да у меня с женитьбой просто так не получится, сам знаешь», – ответил князь Пьер, а потом приказал своему слуге принести еще вина, курительные приборы и табак. – «Но я и без того времени зря не терял. Потом мы отправились в Литву, а там уже сам знаешь, каков малинник...»

«Могу себе представить», – усмехнулся Кристоф, и перешел на достоинства тех или иных знакомых им дам.

«И к чему теперь удивляться, что государь выбрал Нарышкину?» – вспомнил Долгоруков.

«Скорее, теперь не удивляться, а огорчаться надобно», – возразил ему Кристоф, потягивая трубку. – «Попробуй-ка быть перейти дорогу государю нынче».

«Тем обиднее, так как мадам графиня строгими нравами никогда не отличалась», – дополнил его князь Петр.

«Остается только любоваться со стороны, благо, там есть на что посмотреть», – Кристоф вспомнил дивную, словно с картины старинного живописца сошедшую графиню Марию Нарышкину. Потом отчего-то подумал, что вся ее родня нынче осталась более чем приближенной ко Двору.

«Да, не то что раньше», – усмехнулся Долгоруков. – «Впрочем, как ты там говорил: „Подобное тянется к подобному“?»

«Учти только, что это сказал не я», – Кристофу отчего-то стало мутно на душе, лишь только друг намекнул на покойного Павла. Его всячески старались забыть, а если вспоминали, то с молодечеством. Каждый его знакомый при откровенном разговоре непременно упоминал, что поучаствовал в «славном деле» и всю преувеличивал свою роль в заговоре. Даже сидящий нынче напротив Кристофа князь Петр, который был при своем полку, но на страже не стоял, всячески намекал, что «помогал избавиться от тирана». Граф Ливен понимал чувства тех, кто так полагает, но высказанные вслух, они носили в себе нехороший осадок. Еще и государь мрачен и растерян, даже высказывал давеча при нем, Кристофе, и Волконском, что не хочет короноваться. «Я готов уступить трон матери», – произнес Александр отчаянно. – «Раз она сего от меня добивается своим молчанием и тихим презрением. Лишь бы меня простили...» Конечно, Ливен и Волконский начали его хором переубеждать не совершать столь опрометчивых поступков, а покориться воле всевышнего.

«Я вот что думаю», – произнес Ливен, переводя разговор на другое. – «Только не обижайся. Видишь ли, Пьер, чем громче ты присваиваешь себе сомнительные заслуги, тем более отталкиваешь от себя императора. Знаешь ли, что с Паленом стало?»

«И по заслугам», – подхватил Долгоруков. – «Нечего было так вести себя!»

С Паленом вообще вышло нехорошо, но Кристоф старался об этом не думать. Вспомнил строки из письма Десятого, написанного им как раз накануне его отъезда в курляндское имение – навсегда: «Кому гнить, кому цвести... И ничему более не удивляйся». Кристоф тогда

подумал, будто Десятый написал это послание, будучи мертвецки пьяным, и, судя по всему, был недалек от истины – строчки падали вниз, буквы были неразборчивыми, в нескольких местах письмо выглядело так, словно побывало в воде. «На его месте я бы тоже в запой ушел», – подумал тогда Кристоф.

«А так, я все, конечно, понимаю, не надо рассказывать», – продолжил князь Петр. – «Но мы-то большего заслуживаем, чем эти вот... Разве не согласен?»

«Нас всех пока оценивают по достоинству», – завершил его мысль граф Ливен, не желая поддерживать далее разговор про «вот этих вот», то есть, про Строганова, Новосильцева, Кочубея и отсутствующего пока Чарторыйского. С другой стороны, он также понимал чувства друга. Тот ухватился за возможность близости к государю мертвенно крепкой хваткой и не желает делиться ею с неприятными ему людьми. Про этот «квартет» Кристоф и сам не думал ничего особо хорошего. Аристократы, богачи, те, кому с детства все приносили на блюде, – вот кто они. В неприязни, однако, не было ничего личного. Как там говорил некий граф Меттерних, такой же надменный юнец, как этот Строганов или Новосильцев? «Классовая ненависть», вот правильное слово. И граф изумлялся своему другу, первому аристократу и князю из Рюриковичей – ему-то зачем эту классовую ненависть испытывать? У него ж все с самого детства было: богатство, хорошее образование, почет и уважение. Оказывается, и у такого, как Пьер Долгоруков, тоже есть кому завидовать.

«Кому что. Кого облачают личной дружбой, а кому подачки бросают, чтобы не бунтовали», – недовольным тоном проговорил Долгоруков.

«А хочешь ли ты сей личной дружбы?» – Кристоф посмотрел на друга пристально, так, что ему стало заметно неуютно под таким взглядом.

Сам граф отлично знал, чего это государево доверие на деле стоит. Оно приносит одни только проблемы, лишние хлопоты. Поэтому он не разделял амбиций своего друга, желающего непременно стать первым приближенным императора Александра. Самому Кристофу более всего хотелось, чтобы его наконец оставили в покое, дав хоть немного пожить жизнью частного лица. Поэтому он даже был рад, что в интимный кружок императора не вошел.

«Разве ж это плохо – дружба государя?» – спросил недоуменный Долгоруков.

«Сама по себе она не плоха, но куда хуже обычного благоволения, уж поверь мне».

«Меня еще вот что волнует», – продолжал князь Петр, не обращая внимания на здравые размышления своего приятеля. – «Мы ж так вечно будем друзьями французов».

«С чего же ты взял?» – недоуменно посмотрел на него Кристоф.

«А вот с того, что с такими друзьями просвещенными», – последнее слово Долгоруков произнес с явной издевкой. – «С ними у нас, небось, соберется своя Директория. И угадай, кто в нее войдет? Уж точно не мы с тобой».

Кристоф глядел на него недоверчиво. Подобные разговоры он слышал и раньше – мол, государь твердо вознамерился дать России конституцию, разделить власть с другими своими приближенными, среди которых назывались те, на коих нынче точил зуб его приятель. Многие негодовали от подобного «ребячества», немногие восхваляли просвещенность монарха. Но сам граф не очень верил в то, что подобные меры вообще возможны.

«Все они очень хорошо поняли, к чему приведет союз с Францией», – попробовал разуверить друга граф.

«Они? Да они на Францию молятся! И гражданина великого консула почитают, словно Мессию!» – воскликнул Долгоруков. – «Вспомни этого якобинца Строганова, так он нас всех во фригийские колпаки обрядит. Остальные не лучше ничем».

Кристоф подумал, что его другу не надо было столько пить. Сейчас еще начнет крушить мебель или предложить пойти стекла бить в Строгановский дворец. Уговаривать его было бессмысленно в таком состоянии.

«Посуди сам – раз они за равенство и братство, то какое право имеют нас заставлять что-то делать?» – словно мимоходом, сказал Кристоф, дабы успокоить своего не в меру разбушевавшегося приятеля.

«А ты прав», – после небольшой паузы произнес Долгоруков. – «Только не уговаривай меня их любить и под них подлаживаться».

«Да кто ж тебя уговорит?» – с тонкой усмешкой проговорил граф. – «И довольно уже о „квартете“. Много чести портить такой хороший вечер разговорами о них».

«Твоя правда», – произнес князь Петр. – «А вообще, Христофор, вижу, ты тут умнее многих... А маменька мне всегда говорила: «Держись, Петруша, умных, да не пропадешь. Дураки тебя с собой в могилу утащат».

«Как будто она не считала тебя умным?» – переспросил его Кристоф.

Князь Петр улыбнулся слегка застенчиво.

«Понимаю, меня матушка тоже полагает страшным идиотом», – откликнулся граф. – «У родителей обычное дело – кажется, будто их дети из пеленок еще не вышли, хоть они уже в чинах и свои семьи имеют».

«В самом деле», – произнес Долгоруков. – «Но совет ее хорош, стараюсь ему следовать».

«И я тоже, хоть мне так не говорили», – откликнулся граф Ливен.

Сам он подумал, что умные люди частенько склонны пользоваться другими людьми в своих целях, так что доверять им тоже не стоит. Все чаще он полагал, будто лучше всего вообще ни на кого полагаться. Но если постоянно жить на виду, вращаться в свете, как он, то вступать в приятельские или дружеские отношения становится неизбежностью. Да и обычное человеческое участие тоже необходимо...

Они посидели здесь еще какое-то время, потом распрощались. Ночь стояла белая и прозрачная, когда юные люди видят пленительные сны о любви и грядущем счастье, а люди с нечистой совестью – призраков, напоминающих им о былых злодеяниях. Граф приказал ехать помедленнее, и взгляделся на противоположный берег Невы. Величественная стрелка Васильевского острова на Западе – торжественный фасад довольно бедного предместья, напоминающего его почти родное рижское Задвинье. Затем – шпиль Петропавловского собора, вознесшийся в серовато-сиреневое небо, на котором застыла негаснущая заря. Теперь крепость казалась совсем не страшной. Некого сажать, некого освобождать. Спокойная водная гладь сменила белый лед, по которому он проезжал несколько месяцев тому назад на выручку своему адъютанту. Тот более-менее поправился, но выходить на активную службу не мог пока, уехал в поместье. Может, и к лучшему.

В этом городе никогда ничего не понятно, – подумал Кристоф, вспомнив первые свои впечатления о столице, когда он там оказался. Странно, но сейчас он тоже чувствует себя как тогда. Закончился большой период его жизни, начались перемены – явно к лучшему, но все равно выводящие из себя. И, главное, как и тогда, нужно будет переделывать себя полностью. Усваивать новые умения. Заводить новые знакомства. И привыкать к совершенно иному положению.

Долгоруков негодует на «квартет» неправомерно. Кристоф бы мог с ними пообщаться поближе, чтобы понять, что эти люди в самом деле хотят и как они своих целей готовы добиваться. Можно про них что угодно говорить – и про «якобинство», и про желание устроить революцию, созвать Конвент и устроить еще множество бесчинств, которые вгоняли завсегдаев гостиной его матушки в ужас. Кристоф даже не отрицал, что смог бы с ними подружиться. И, кто знает, может, они смотрят на него, на Волконского, на Долгорукова и тоже считают их «страшными интриганами», мешающими им осуществлять их цели? Враждовать и интриговать нынче не время, хотя обстановка просто-таки толкает на это. На том он и порешил.

...Приехав домой, он прошел в свой кабинет и снова достал связку писем «от Селаниры к Химере». О них словно бы все забыли навсегда. Даже Рибопьер, которого участь посланий

страшно волновала во время болезни. Так как же с ними поступить? Обременять себя ими граф не желал. Поэтому решил взять их с собой завтра и передать первому из лиц, которые могли бы разгадать тайну, скрывающуюся в этих посланиях.

Назавтра к нему подошла камер-фрау императрицы Елизаветы, графиня Варвара Головина, и, с некоторым вызовом глядя на него своими блестящими, пронзительными карими глазами, произнесла размеренно:

«Ваше Сиятельство, государыня хотела бы встретиться с вами и поговорить о деле, к коему вы можете иметь прямое касательство».

«Когда же мне следует явиться к ней?» – спросил Ливен.

«Можете прямо сейчас. Я вас проведу», – и графиня жестом показала ему следовать за ней. Его провели в покои императрицы, весьма скромно обставленные. Елизавета сидела на кресле с раскрытой книгой на коленях, но непохоже было, чтобы до визита графа она ее увлеченно читала. Белый шпиг сидел у нее в ногах, залааял при явлении гостей, и по мимоветному взгляду государыни, графиня Варвара подхватила собачку на руки, и удалилась. Императрица закрыла книгу, положила ее на туалетный столик и приблизилась к графу. Тот, не стесняясь, разглядывал все вокруг себя, стараясь не глядеть навязчиво на императрицу – женщину очень красивую и изящную.

«Ваше Сиятельство», – произнесла она, подавая ему для поцелуя руку, унизанную тонкими золотыми кольцами – наверное, единственное ее украшение. – «Мне нужны письма, которые были во владении камер-юнкера Рибопьера до тех пор, пока с ним не случилось этой беды...»

«Откуда она знает, что письма могут быть у меня?» – растерянно подумал Кристоф. – «Кто же доложил?»

Он молча раскрыл портфель, который имел с собой, и предъявил искомую связку. При ее виде прозрачные серо-голубые глаза государыни, обрамленные длинными золотистыми ресницами, выразили крайнюю степень удивления.

«Благодарю вас, граф», – произнесла Елизавета тихим голосом, в котором явно слышались нотки изумления. – «Но прошу вас, скажите мне, известно ли вам содержание этих писем?»

«Никак нет, Ваше Величество», – проговорил Кристоф.

«Или, хотя бы, догадываетесь, кто есть Селанира?» – испытующе произнесла она.

«Я не смею об этом догадываться».

Их взгляды встретились. Он понял, что врать императрице бессмысленно. Той понятны ее догадки.

«В любом случае», – произнесла она. – «Я могу быть уверена, что о своих догадках вы никому никогда не расскажете. Впрочем, боюсь, что сейчас сохранение тайны не имеет никакого смысла...».

«Моя честь в любом случае не позволит вести компрометирующие мою государыню разговоры», – твердо произнес Кристоф. – «И я не потерплю таких разговоров в своем присутствии».

«Вы настоящий рыцарь, Ваше Сиятельство», – Елизавета проговорила эти слова без всякой лести в голосе, без снисходительности или многозначительности. Она словно констатировала не всем очевидный факт, который выяснила только нынче.

«Что там давеча говорил Талызин?» – подумал Кристоф. – «Наш глава – всегда государь той страны, где мы держим двор? А как же насчет государыни?».

«И еще, граф», – продолжила императрица. – «Моя сестра, принцесса Амалия, живо интересуется состоянием господина Рибопьера, но так как задавать вопросы вслух она не может, то ей приходится довольствоваться слухами, не все из которых верны, как вы понимаете...»

«Скажите Ее Высочеству, что он себя чувствует хорошо, несмотря на обширную кровопотерю и перенесенную лихорадку. Опасность давно миновала, но его здоровье так и не восстановилось, поэтому по совету докторов мой адъютант удалился в свои имения», – Кристоф глядел в сторону, как всегда, когда ему приходилось рассказывать о своих воспоминаниях. – «Я не знаю, когда он появится в свете, но надеюсь, что осенью мы его можем увидеть. Мне самому его весьма не хватает, Ваше Величество...»

«Благодарю вас», – произнесла императрица, прерывая его. – «Надеюсь, Амалии сих сведений будет достаточно. И, опять-таки, я очень надеюсь, что вы не передадите господину Рибопьеру о том, кто именно интересовался его здоровьем».

Кристоф только кивнул утвердительно. Ничего подобного он рассказывать бы не стал.

«Сестрица, как хорошо, что граф Ливен у тебя, а то я сама его искала», – послышался мелодичный голос, и перед его взором появилась старшая из сестер Баденских. Они с Елизаветой были во многом похожи, но если красота императрицы казалась хрупкой и нежной, то Амалия, при тех же чертах лица, виделась решительной и страстной. Волосы у нее были, скорее, каштановыми, чем белокурыми, но того же пепельного оттенка, а глаза были более яркими, пламенными.

Кристоф почувствовал себя в неудобном положении. Возможно, принцесса Баденская прямо сейчас потребует выдать ему те сведения, которые он передал императрице. А, может быть, та и без того все сама слышала, и нынче хочет лишь убедиться в правоте сказанных слов. Амалия смотрела на него прямо и откровенно, и во взоре ее ярко-синих глаз виделось нечто оценивающее, почти что кокетливое.

«Мне надобно кое-что вам сказать наедине, Ваше Сиятельство», – произнесла девушка. – «Сестрица, позволишь ли мне у тебя похитить графа на несколько минут?»

«Мы уже закончили, Амальхен», – откликнулась императрица Елизавета. В голосе ее слышалась обреченная покорность.

«Отлично. Пройдемте, граф», – Амалия указала в сторону двери, и Кристоф последовал за ней, теряясь в догадках, что же именно ей надобно.

«Присаживайтесь сюда», – она показала на зеленое плюшевое кресло, оказавшееся весьма удобным. – «Не стесняйтесь, располагайтесь как дома».

В комнате были задернуты портьеры, а в углу дымила аромакурильница, распространяя теплый аромат сандалового дерева по комнате. Амалия уселась напротив него, распахнув на груди темно-оранжевую шаль.

«Итак, Селанира – моя сестра, Химера – князь Адам Чарторийский, Зевс – покойный государь... А кто же я?»

Кристоф счел вопрос риторическим, поэтому промолчал. Тогда Амалия повторила:

«Не скажете ли, в кого меня определили?»

«Я не притрагивался к сим посланиям, Ваше Высочество, поэтому не могу знать», – ответил Кристоф.

«Не притрагивались?» – с деланным изумлением в голосе произнесла Амалия. – «Так, значит, зря я раскрыла вам тайну?»

Кристофа начала злить обстановка этого будуара. Интересно, сколько раз здесь бывал Саша Рибопьер? И бывал ли он здесь вообще?

Он пожал плечами в нетерпении и сказал несколько более резко, чем хотел бы:

«Любопытством я никогда не отличался. К тому же, мне было не до того...»

«Понимаю, ну а все же, к какой богине вы бы меня приравнили?» – голос Амалии сделался совсем кокетливым. – «К Диане, верно? Но эта роль набила мне оскомину во всех масках... Неужто к Минерве? Или к Венере?»

«Вы сама по себе божество, Ваше Высочество», – ответил Кристоф.

Амалия рассмеялась весьма громко.

«Спасибо вам за любезность, граф... Хотела вам поведать тайну в обмен на чужую, но коли вы так яростно храните чужие секреты, то придется мне быть щедрой... Знаете ли вы, что ваша супруга ведет себя не так уж пристойно в ваше отсутствие?»

Граф недоумевающе взглянул на девушку. Что ей в Дотти? И причем тут она?

«Что значит „непристойно себя ведет“?» – спросил он напрямую.

«А то, что во время вашего отсутствия она взяла обыкновение гулять перед домом и весьма вольно разговаривать с молодыми кавалерами на улице. Не находите ли сию привычку крайне опасной?»

Слова Амалии весьма расходились с выражением ее кокетливого личика. Казалось, их должна бы произносить суровая пожилая дама, а не молодая женщина, имеющая весьма вольные (если верить слухам) взгляды на жизнь.

«К тому же, не знаю, соврали ли вы ради своего блага или ради того, чтобы не смущать мою сестру», – продолжила, как ни в чем не бывало, эта принцесса.

«Поясните, прошу вас, Ваше Высочество», – проговорил Кристоф, чувствуя, что его заманивают в какую-то непонятную ловушку.

«А к тому, что молодой человек, с которым так прекрасно общалась ваша милая супруга прямо на крыльце дома, – господин Рибопьер и есть. Никуда он не уезжал!» – воскликнула Амалия.

«Скорее всего, так быстро вернулся», – задумчиво произнес Кристоф, сохраняя самообладание перед лицом гнева этой принцессы. – «Или же...»

«Вы хотите сказать, граф, точно ли я его узнала, ни с кем не перепутала? Отвечу: это именно он. Я признаю его из тысячи!» – лицо принцессы покраснело, и своим румянцем в сочетании с экспансивностью она весьма красноречиво выдавала свои истинные чувства к кристофову адъютанту.

«Так вот», – голос девушки сделался снова спокойным и злым. – «Непременно поговорите с графиней Доротеей и сообщите ей, что так вести себя не должно. А если хотите быть моим другом – то напомните вашему подчиненному мое имя. Оно должно о многом ему говорить...»

«Это всё, Ваше Высочество?» – нетерпеливо спросил граф Ливен.

Девушка не отвечала, продолжая глядеть на него пристально.

«Вы храните очень много тайн», – тихо произнесла она. – «Не боитесь ли, что в один прекрасный день некоторые из них выйдут наружу?»

«Уверяю вас, Ваше Высочество», – произнес весьма сдержанно граф. – «Я стараюсь не брать на себя тех секретов, которые не смогу сохранить».

«Моя сестра полагает, будто ее тайны никто не знает», – пространно произнесла Амалия. – «Вот святая простота. Да они белыми нитками шиты».

Кристофу тоже хотелось сказать: «В этом смысле вы, Ваше Высочество, крайне похожи на свою сестру». Но он промолчал, дабы не вызывать ее неудовольствия, которое, как он убедился, могло завести его очень далеко. Ясно было, что Амалия просто-напросто приревновала Рибопьера, на которого положила глаз, к Доротее, посему и решила возбудить в графе Кристофе ревность к его собственной жене. Ему внезапно стало противно от подобных мелочных интриг. «Опомнились, и начали ерундой страдать», – подумал он, никого, собственно, не имея в виду.

«Сожалею, Ваше Высочество, но я должен идти. Дела не ждут», – твердо произнес граф, вставая первым с места и понимая, что дерзко нарушает общепринятый этикет.

«Ну так ступайте», – ответила девушка, – «И не забудьте, о чем вы договаривались. Да, и следите за женой».

«Прощайте, Ваше Высочество», – твердо проговорил Кристоф и вышел из ее покоев.

«Вот это я и ненавижу более всего», – думал он. – «В недавнем прошлом все были слишком напуганы, чтобы интриговать и преследовать свои интересы. Нынче начинается... И может обрести огромный размах»

Несмотря на все милости, которые ему волею государя выпали на долю, несмотря на то, что нынче наконец-то можно насладиться своим высоким положением и богатством, Кристоф более всего желал удалиться от двора, закрыться в деревне и вести жизнь, как можно более далекую от интриг, от вот этих своекорыстных принцесс, от постоянного диктата приличий, вымышленных властью предержащими для контроля над подданными. Его поступку бы удивились многие, подумали, что словно бы странная болезнь их какая-то охватила: его старший брат в прошлом месяце принес рапорт об отставке, без всяких объяснений взял и уехал в Курляндию. Перед этим он почти вечер пробыл у матери, что-то ей говорил наедине, и оставалось только догадываться, зачем ему нужно было поступать именно так. Кристоф даже не думал об этом и пресекал всякие расспросы Доротеи по этому поводу. Нынче он подумал, что стоило бы и ему последовать тому же плану. Только теперь уже поздно. Разве что служба позволит ему держаться подальше от Двора.

...Когда, оказавшись вечером дома, он прошел к Доротее, то сразу понял, что любой разговор с ней в нынешнем состоянии сделает только хуже. Она сидела на канаве и горестно плакала. Причину ее слез можно было не объяснять, однако Кристоф на всякий случай спросил: «Что же случилось?»

Его супруга ничего не отвечала. Она словно не заметила его появления, глядела куда-то в сторону и продолжала рыдать, даже не думая вытирать слезы.

Слезы украшают девиц только в дурных романах, и Кристоф имел множество причин в этом убедиться самостоятельно. Лицо Дотти пошло алыми пятнами, губы некрасиво напухли.

Он присел рядом с ней на канаве и проговорил как можно спокойнее:

«Полно, Дотти, не надо так убиваться. Скажи, прошу тебя, что произошло?»

«Это все Ее Величество!» – отвечала запинаящимся голосом Дотти. – «Ну что я такого сделала? Матан туда же... «Ах, вы непристойно ведете себя, не имеете права! Репутация вашего супруга пострадает от столь опрометчивого поведения».

«Понятно. Амалия не преминула рассказать государыне обо всем, даже и додумала от себя что-нибудь для красочности», – подумал Кристоф с негодованием.

«Моя репутация уже ни от чего не пострадает», – холодно произнес он.

«Между прочим, они должны были знать, что Рибопьер – твой адъютант и свой человек в нашем доме, а не какой-то случайный прохожий! И более того, я была с Анной! Что это значит – мне нельзя выйти подышать свежим воздухом? А от всех знакомых надо бежать, как от чумы?» – продолжала Дотти, и слезы снова брызнули из ее глаз. Злые слезы.

«Она не из тех, кто плачет от слабости – скорее, от избытка силы», – думал Кристоф.

«Я знаю, что случилось. Мне доложили. Не бери в голову», – спокойно произнес он вслух.

«И тебе уже доложили? Как будто я одна такая! Вот, полно дам замужних ездят куда угодно и общаются с кем угодно, а выговоры получаю я одна», – продолжала Дотти.

«К сожалению, мы имеем несчастье жить рядом со дворцом, а это значит, что за нами волей-неволей будут подглядывать все», – продолжал, как ни в чем не бывало, Кристоф.

«Что же ты приказываешь? Из дому никуда не выходить?» – голос Доротеи из опечаленного сделался сердитым и упрекающим. Она явно полагала, будто муж готов обрушить на нее упреки так, как это сделали свекровь и самопровозглашенная приемная мать, поэтому наносила ему предупреждающий удар.

«Я предлагаю переехать на дачу. Как можно скорее», – сказал Кристоф, прекрасно зная, что эта новость будет для Дотти сюрпризом. Она даже не знала о том, что он ее купил вместе со всей обстановкой, так как он специально скрывал такой подарок от нее.

Весть о даче предсказуемо удивила девушку.

«На дачу? Но как же... Я только хотела обойщиков пригласить, дабы они сделали гостевые комнаты...»

«С обойщиками вполне может иметь дело Штэфани», – сказал Кристоф.

«Но как же мы обойдемся на даче без нее?» – растерянно спросила его супруга. Настроение ее переменялось резко. Кристофу и нравилось это в ней – Доротея никогда не была памятливой на обиды и печаль, тень тоски покидала ее сразу же, как только она узнавала о смене обстановки, новом развлечении или еще какой нечаянной радости. Он даже в чем-то завидовал ей, потому как подобной легкостью характера не обладал даже и в шестнадцать лет.

«Там не такое уж большое хозяйство. Обойдемся личными слугами и поваром», – произнес Кристоф.

«Но неужели мы не будем принимать гостей?» – выражение лица Дотти стало несколько разочарованным.

«Только немногих. И самых близких», – заверил ее Граф.

Он не упомянул, что дача находилась рядом с Каменноостровским дворцом, летней резиденцией императора Александра. Однако дворец был слишком мал для того, чтобы поместить туда весь Двор. Оставалось надеяться на то, что Амалия туда не поедет. Эта засидевшаяся в девках принцесса была ему крайне неприятна с совсем недавних пор.

«Государыня хочет, чтобы я провела лето рядом с нею в Павловске... И графиня Шарлотта на этом настаивает», – растерянно произнесла Дотти.

«А ты сама как хочешь?» – нахмурился Кристоф. Он не предвидел подобного поворота событий. Внезапная злость взяла его. Значит, Ее Величество воспринимает его жену как свою крепостную служанку – хочешь-не хочешь, изволь сопровождать свою госпожу повсюду, куда она не поедет. И это при том, что у Дотти нет никакого статуса при дворе. Раньше была фрейлиной, но нынче даже не числится в штате.

«Не знаю», – выговорила Дотти растерянно. Понятно, что перспектива уединенной жизни на даче ей не очень понравилась – как-никак в Павловске будет большое общество, немало людей. Но и ежечасно находиться под двойным контролем Марии Федоровны и графини Ливен-старшей Доротее тоже не хотелось бы.

«Ладно, мы можем туда ездить, насколько возможно чаще», – произнес Кристоф, сам испытывающий нынче досаду на все. Каждый монарх имеет собственные причуды, с которыми необходимо считаться. Только у императора Александра этих причуд нет. Пока нет.

«Кстати, о чем говорил Рибопьер с тобой?» – спросил он промежду прочим.

«Рассказывал, что ему пришлось вернуться с полдороги».

«И почему же?..»

Доротея пожала плечами.

«Я все расспрашивала его, он не говорил», – растерянно произнесла она с немного виноватым видом. – «Он, в свою очередь, пытался узнать о каких-то письмах, которые, якобы, хранятся у нас».

«И что ты отвечала?»

«Что письма остались там, где и были. Он улыбнулся и сказал: «Это хорошо».

Кристоф заметно покраснел. Что теперь делать? Он поступил с этими письмами так, как счел должным.

«О чем еще вы разговаривали?» – спросил он.

«Я пригласила его пройти домой и подождать тебя, но он отнекивался, а потом уехал. Мы меньше четверти часа разговаривали, да еще Анюта со мной была, не отходила, и надо же, кто-то увидел... Интересно, кто бы это?»

«Очень высокопоставленное лицо при дворе», – сказал Кристоф озабоченно. – «И не оправдывайся, та chere, я на тебя нисколько не сержусь. Лучше скажи мне, как он выглядел? Ты не заметила ли во внешности его что-то странное?»

«Ну, он сильно похудел с тех пор», – начала Дотти. – «Рука до сих пор на перевязи... Я удивилась, так как знала, что его ранило тогда в ладонь, и носить так ее не стоит. Заметила это ему, он сказал, что сломал ее, к дальнейшим несчастьям. Ну и бледный очень сильно, под глазами круги. Поэтому я и пригласила его пройти отдохнуть с дороги».

«Он ничего мне не передавал?» – спросил граф, попутно думая, а не стоило ли поехать к его подопечному и разузнать, что именно стряслось.

«Я его несколько раз спрашивала об этом, он лишь пожимал плечами и говорил, что сам к тебе наведается и все скажет», – растерянно произнесла Дотти. – «Под конец у него кровь носом пошла, я засуетилась, Анна побежала за льдом, но он сказал: „Пустое“... Мне кажется, Бонси, что его избили по дороге, лихие люди напали... А давай не поедем на дачу, вдруг они там в кустах сидят и ограбят нас так же?»

Кристоф невольно засмеялся.

«С этими разбойниками Рибопьер наверняка знаком хорошо. Уже встречался с ними. Лично».

Лицо Доротеи при этих словах отразило крайнее изумление. Граф понял, что ему придется рассказать ей всю историю про «Селаниру» и «Химеру». И про то, что он отдал всю переписку императрице Елизавете, и с этими письмами та вольна нынче поступить так, как посчитает нужным.

«Так значит, теперь эти письма в безопасности?» – проговорила Доротея, выслушав мужа спокойно, даже ни разу не перебив его своими изумленными восклицаниями.

«Можно считать и так».

«Но если Химера... то есть, князь Чарторыйский, объявится в Петербурге и сам потребует у тебя эти письма?»

«С чего ему знать, что они были у меня?» – произнес Кристоф беззаботно. – «К тому же, теперь сия переписка – не моя проблема. И даже не проблема Саши».

«Мне все интересно, о чем же говорилось в этих письмах, раз они так важны?»

«Важно не то, о чем в них могло говориться», – лицо графа приняло задумчивое выражение. – «Важно то, о чем их наличие свидетельствует».

Дотти промолчала. Она скрестила свои длинные тонкие пальцы перед собой, а взгляд ее серо-зеленых глаз сделался отстраненным, на редкость задумчивым. Кристоф понял, что редко видит свою жену такой. Ему даже было невдомек, что Доротея могла выглядеть именно так.

«Значит, все это правда?» – шепотом произнесла она.

Он немедленно вспомнил все слухи, которые были обращены в адрес императрицы и личного друга государя, этого надменного польского магната, отправленного с миссией в Сардинию, к королю без королевства и двора, еще при Павле Петровиче. Нынешний государь немедленно отозвал Чарторыйского из Италии, но тот не спешил показаться при дворе. По какой причине – неизвестно. Конечно, все видели в его длительном отсутствии некие козни, которые он плетет в стороне, но Кристоф никогда над этим не задумывался – мало ли какие могут быть обстоятельства?

«И ребенок... великая княжна Мария... была его дочерью?» – продолжала размышлять вслух графиня фон Ливен. – «Тогда я понимаю, почему господин Рибопьер столь сильно пострадал».

«Гонцов всегда убивают первыми. И неважно, приносят ли они плохие или хорошие новости», – проговорил Кристоф тихо, но жена его услышала и закричала:

«Но нам тогда надо спасти твоего адъютанта! Его и так пытались сгноить в крепости!»

«Сейчас он уже ничего не может предъявить им».

«Но они до сих пор думают, будто письма у него!»

«Не беспокойся», – твердо произнес Кристоф. – «Не стоит волноваться. Мы слишком мало знаем про то, что случилось с Сашей и почему ему пришлось уехать из имения в Петербург».

«Но это ужасно – пребывать в неведении!» – Доротея уже начала руки ломать. – «А вдруг нам будут угрожать?»

«Дотти», – твердо и как можно более уверенно проговорил Кристоф. – «Пока я здесь, с тобой, нам ничего не может грозить. Поверь мне, бывало и хуже. И мы со всем справлялись».

В ответ Дотти крепко обняла мужа и прижалась к его груди. Он ответил на ее объятия, почувствовав, как она дрожит, как напряжено и сковано ее тело.

«Вроде ты говоришь, что нечего бояться, Bonsi», – прошептала она обеспокоенно. – «Но мне все равно тревожно... Пойми, кроме тебя, у меня нет никого».

«У тебя есть отец. Альхен и Костя. Матушка моя... Государыня, в конце концов», – не задумываясь над своими словами, проговорил Кристоф ей в ответ.

«Ах, это не совсем то, что я имела в виду...», – покачала головой Дотти. – «Знаешь, тогда, когда ты болен был, я уже об этом думала, и поняла, что без тебя мне будет очень печально жить на этом свете. Настолько печально, что, наверное, недолго тебя переживу».

«Пустое, ничего со мной не случится более», – произнес граф, снова хмурясь, так как не любил подобных разговоров. Ей бы сейчас рассказать, через что он прошел и остался при этом в живых! А тут какие-то непонятные интриги, с которыми можно справиться, найдя их зачинщика и призвав к ответу. Вот когда тебя и пятерых твоих людей берет в кольцо отряд персов... Или же в тебя стреляют «синие»... Или же ты прыгаешь с горящей мельницы на гору трупов. Этими воспоминаниями граф ни с кем не делился. Даже в своем личном дневнике он упомянул их мимоходом, как некие рядовые события. О том, как рассказать о них, тем более, его юной трепетной жене, которая может расплакаться из-за брошенных в ее адрес упреков и тревожится из-за каждой непонятной ситуации, он не знал. Решил, что лучше молчать, но вскоре понял: рано или поздно Дотти все равно узнает истину. Ее любопытство воистину безгранично, и только тактичность удерживает ее от бесконечных расспросов обо всех подробностях его прошлого.

Она молчала в ответ и все сильнее прижималась к нему. Граф встал с канапе и подхватил ее на руки, отчего девушка вскрикнула и рассмеялась – слишком уж неожиданными показались его действия. А затем понес ее в спальню, дабы подарить краткое, но столь пленительное счастье...

Через несколько часов Кристоф проснулся от того, что понял: кто-то стоит над его кроватью. Он открыл глаза. Стоявший рядом был не виден никак, но тень отбрасывал прямо на его лицо. Сквозь щель в тяжелых портьерах просачивался зыбкий лилово-серебристый свет белой ночи. Темная фигура никуда не перемещалась, нависая над ним. Граф посмотрел на лежащую рядом с ним Дотти. Ее лицо казалось мертвенно-бледным, чуть тронутым синевой под неплотно закрытыми глазами, грудь почти не вздымалась, дыхание не было слышно. Он тронул ее рукой, поправил волосы, выбившиеся из заплетенной на ночь косы. Только тогда Дотти вздохнула и, не просыпаясь, перевернулась на другой бок. Кристоф затаился и начал пристально наблюдать за фигурой, стоявшей у изголовья. «Я помню, кто это», – подумал он. – «Но что ему здесь надо?» Откуда-то он знал: пришельца надо позвать по имени, и тогда он покинет спальню. Но имя выскользнуло из памяти. Тогда граф мысленно задал вопрос, обратившись к тени: «Кто ты?»

«Друг твой», – возникла в голове ответная мысль.

«Отлично», – решил Кристоф. – «Значит, с ним можно говорить. Тогда, помнится, нельзя было».

Он вспомнил детство, когда вот такая же темная фигура стояла над ним, заслоняя окно, рядом с которым находилась его кровать. Тогда он перепугался сильно, ибо видение показалось угрожающим, готовым причинить ему вред. Может быть, испуг усугубляли жар и боли во все теле – тогда, в детстве, эта тень являлась Кристофу исключительно во время болезни, и он стонал, и кто-то – или Минна, или матушка, или няня – вставали и крестили его, давали ему попить или обтирали лицо платком, смоченным в холодной воде, и фигура с некоторой неохотой отходила от постели, становилось спокойно, вся комната принимала знакомый вид, и в ней, казалось, не оставалось места никаким странным и пугающим явлениям.

Сейчас страха почти не было. Только некое неприятное чувство, словно его бы в неурочный час к нему вломился незнакомец и что-то от него требует.

«Раз ты друг, то почему явился мне именно в таком облики?» – спросил Кристоф
«Шестого более нет», – отвечала тень.

Граф закрыл глаза. Шестой рыцарь – это граф Петр Талызин. После переворота он, подобно многим, никак не пострадал. Продолжал командовать преображенцами. Продолжал собирать людей на мистические беседы и посиделки, заканчивающиеся далеко за полночь, но не тем, чем подобные застолья обычно заканчиваются, а чинным пением гимнов к утренней заре и к звезде Венере. Никаких следов болезни или даже просто тоски Кристоф не замечал в приятеле. Но он слишком поверхностно знал его, чтобы обратить внимание на какие-либо странности в поведении последнего

«Он сам?» – обратился он с вопросом к присутствующему, и тут почувствовал, что тень начала рассеиваться, а призрачный, льющийся из окна, сделался несколько ярче. Приближался рассвет. И видение, подобно всем кошмарам, царящим в ночи, постепенно уходило в небытие, откуда оно и явилось.

«Скажи, что стало с Шестым?» – повторил Кристоф шепотом, довольно громким, как ему показалось в тишине спальни.

Но ответом было лишь молчание. Свет дня вступал в свои законные права, и, несмотря на то, что в спальне, благодаря тяжелым портьерам, до сих пор царил полумрак, тени развеялись, очертания мебели сделались более четкими, реальными. И увиденное ночью казалось причудливым сном. Однако Кристоф мог ручаться, что полностью бодрствовал, и мысленный диалог с тенью провел исключительно у себя в голове. Он закрыл глаза, погружаясь – ненадолго – в продолжение сна, но мысли не покидали его даже в полудреме, вызывая причудливые иллюзии – ночной гость обретал явственный облик, и становился все более похожим на Шестого, и этот его приятель держал в левой руке окровавленный кинжал, который только что вынул у себя из живота, с изумлением оглядывал его, а потом обращал это оружие к самому графу, не меняя выражения своего бледного лица...

Проснулся Кристоф с таким ощущением, будто эти два часа его пытали. Яркое светило солнце. Жена его уже встала. Ее половина кровати была пуста, лишь по чуть смятой простыне было понятно, что она здесь ночевала. Граф перелег на ее половину кровати, вдохнув запах ее тела, духов – какой-то травянисто-пряный, весьма приятный, навевающий в его теле знакомую истому. Он старался не думать о том, что видел ночью. Проще всего было забыть об этом, но стоило только опомниться, как призраки вновь обретали свою выпуклость, и знакомое чувство вновь наполняло его душу. «Нечего разлеживаться», – приказал себе Кристоф, несмотря на то, что чувствовал некоторый недосып и мог бы подремать еще чуть-чуть подольше. – «Пора заниматься делами».

Он встал, оделся и спустился к завтраку. Дотти уже сидела за столом, глядя, как служанка разливает кофе. Лицо ее было бледноватым, на нем более ярко выступали веснушки.

«Бонси», – произнесла она после обычного обмена утренними приветствиями. – «Мне сегодня снилось что-то очень страшное... Проснулась, а сердце прямо колотится, словно сейчас из груди вырвется».

«Надо же», – отвечал граф, приступая к небольшой трапезе. – «Мне тоже».

«Да?» – девушка пристально посмотрела на него. – «И что же тебе снилось?»

Кристоф пожал плечами.

«Честно говоря, Дотти, не помню подробностей кошмара. Могу сказать, что приснилось нечто неприятное».

«А мне приснилось, будто я в Париже и меня приговорили к казни на гильотине», – начала увлеченно рассказывать Дотти. – «И вот меня уже тащат под рев и улюлюканье толпы... Я встаю на колени, мою голову кладут под лезвие, и тут оно опускается, а в тот же момент просыпаюсь... Бр-р», – поежилась девушка.

«Скажи, пожалуйста, не читала ли ты что-либо об этом вчера?» – спросил граф, намазывая масло на хлеб. – «А то я заметил, что если я читаю, пишу или долго думаю о чем-то вечером, то потом я вижу то, что занимало мой разум, во сне».

«Нет, в том-то и дело», – испуганно произнесла Дотти. – «Не представляю, почему мне такой ужас вдруг привиделся. Вроде здорова, на ночь ничего не ела, а ведь от того, сказывают, тоже бывают дурные сновидения...».

«Ну и не следует придавать такому сну слишком большое значение», – Кристоф говорил уверенно, но сам думал, что совпадение и впрямь довольно странное.

Он добавил:

«Знаешь, мне в детстве говорили: как увидел кошмар, нужно утром, в первую очередь как проснешься, выглянуть в окно и сказать: „Святой Иосиф, разве мой сон по всей земле“. И ничего не исполнится».

«Надеюсь, что ничего не исполнится», – улыбнулась Дотти. – «Очень хотелось бы, чтобы у нас никогда не было революции».

Кристоф отчего-то вспомнил рассуждения своего друга князя Долгорукова о «Негласном комитете» и промолчал, не спеша разуверять супругу. Также на память пришли слова графа Воронцова, сказанные им несколько лет назад в присутствии Ливена: «В нашей с вами родине революция возможна только сверху». Недавно так и произошло. И, возможно, так правильно. Зато не будет таких жертв, и гильотины останутся исключительно в кошмарах юных дев.

«Конечно, нет, ничего страшного не случится», – продолжила его супруга. – «Значит, действительно пустое».

Их трапезу прервало появление привратника, доложившего о прибытии Рибопьера. Супруги переглянулись, немедленно вспомнив вчерашний разговор.

«Проси немедленно», – произнес граф встревоженно, и сам вышел навстречу гостю. Дотти поднялась было, чтобы последовать за мужем, но тот взглядом и жестами убедил ее остаться на месте.

«Ну Бонси...», – начала она, поджимая губы.

«Один раз ты с ним уже разговаривала, и этого довольно», – резковато оборвал ее Кристоф. – «Если ты нам понадобишься, я тебя позову».

...Адъютант его и впрямь выглядел ровно так же, как его описывала Доротея. И пострадавшая прежде рука его действительно была на перевязи.

После приветствий Саша протянул Кристофу папку в зеленом коленкоровом переплете, проговорив:

«Ваше Сиятельство, то донос на вас, писанный графом Талызиным».

«Как ты его заполучил?» – изумленно спросил Кристоф.

«Граф мертв», – проронил Рибопьер и резко побледнел, покачнувшись на ногах. Кристоф поддержал его, совсем слабого.

«Простите», – пробормотал его приятель. – «Что-то голова сильно кружится... Так вот, Шестого рыцаря более нет».

«Это произошло сегодня ночью?» – уточнил Кристоф.

Рибопьер кивнул.

«А вам уже докладывали?» – спросил он.

«Нет, но я каким-то образом это узнал», – граф указал на диван, стоявший поблизости, и чуть ли не силком усадил туда своего адъютанта, который то и дело отнекивался, ссылаясь на то, что ему скоро предстоит ехать в некую дальнюю дорогу.

«Вам нельзя в дорогу, в таком-то состоянии», – говорил Кристоф, держа его за руку и прислушиваясь к своим ощущениям. Сердце его юного друга билось чересчур уж сильно, но в жилах вместо крови, казалось, текла вода, зыбкая и прозрачная. «Его били по голове», – решил про себя граф. – «Так, чтобы не осталось следов – значит, профессионалы. Руку сломали, верно, потому что сопротивлялся, а нападавшим не хватило выдержки его не трогать. Ломали руку пострадавшую, которой Саша еще не владел столь же ловко, как до дуэли. Чтобы наверняка. И, верно, чтобы никаких вопросов не осталось».

«Но и здесь я долее оставаться не могу», – сокрушенно отвечал Саша Рибопьер.

«Зачем же ты появился здесь? Сказано было – езжай под Пензу, отдыхай».

«Письма... Я же поклялся», – слабым голосом произнес он. – «Мне необходимо было их отдать».

«Они уже у... у Селаниры», – Кристоф назвал императрицу Елизавету тем прежним именем, под которым она проходила в переписке. – «И она сделает с ними все, что пожелает нужным».

«Их ей отдали вы?» – нынче Саша снова находился на грани обморока. Что-то высосало из него все силы. И это «что-то» – не болезнь и не заботы.

«Ну а кто же?»

«Вы не знаете, о ком в них говорилось?» – в голосе его адъютанта послышалась некая безнадежность.

«Меня просветила принцесса Амалия Баденская», – признался Кристоф. – «Но я могу поклясться, что ничего не читал».

«Правда?»

«Не до того было. Не веришь разве?»

«Амалия...», – прошептал Рибопьер. – «Медуза... Это все из-за нее».

«Представляю», – произнес Кристоф. – «И лучше скажи честно, что у тебя с ней было такое крамольное? А то она уже тебя приревновала к моей жене, увидев вас беседующими рядом с нашим домом. Кстати, более так не делай, а то, как видишь, мы имеем несчастье жить на всеобщем обозрении, и любые наши перемещения горячо обсуждаются самыми высокопоставленными лицами».

Адъютант его молчал, похоронив свое болезненно-бледное, но все еще красивое лицо в ладонях.

«Саша, это важно», – в нетерпении произнес граф. – «Она что, тебя любит?»

«Нет. Но меня она уже не отпустит от себя», – выдавил из себя Рибопьер.

Что ж, ожидаемо. Амалия относилась к такому требовательно-истеричному типу женщин, которые Кристофу всегда претили. К счастью, он с ними почти не встречался. И желание повелевать принять за любовь крайне просто.

«Это по ее приказанию тебя избили?» – продолжал задавать вопросы Кристоф.

«Я не знаю...»

«Как все случилось? Можешь хотя бы мне поведать?»

И Саша рассказал. По его словам, когда он подъезжал уже к Пензе, на его экипаж напали. Сперва он подумал, что это разбойники, и попытался отбиться, расстрелял все патроны, которых у него вообще было немного, и, кажется, убил двоих, но тех было больше. Нападавшие разделились на две группы. Одни вытащили из кареты двух его слуг и кучера, и умело с ними расправились. Рибопьер понял, что лакея и кучера избили до смерти, а лакею удалось уцелеть,

и сейчас он лежит ни жив ни мертв в имении. Другие принялись бить самого господина, потом общарили его, никаких ценностей, как в тот раз, близ Вены, не взяли. Саша сопротивлялся как мог, и вот тогда ему переломили левую руку. Прежде чем потерять сознание, он услышал, как кто-то сказал: «Вот сволочь! При нем ничего нет!»

«Они искали письма», – произнес он. – «И не нашли».

«Но почему же ты решил вернуться? Твоя мать хоть знает, что ты жив?»

«Знает. Я приехал, довез Прошу, подлечился чуть-чуть... А сам поехал назад. Потому что знал, что эти письма крайне важны... И они у вас. А до вас могут добраться...»

«Я очень тебе признателен за беспокойство, но уверяю тебя, мне бы ничего не сделали», – произнес Кристоф.

Рибопьер в ответ покачал головой.

«Вам бы сделали много хуже, Ваше Сиятельство», – тихо произнес он. – «И да, прошу вас, не выпускайте вашу прекрасную супругу гулять в одиночестве. Даже с горничной... Лучше приставьте к ней трех крепких человек, не менее».

Кристоф не выпускал из рук зеленую папку, в которой содержался, по словам Рибопьера, некий донос на него. Даже не посмотрел, что внутри – так его озаботил рассказ подчиненного. Пока он понял только одно – Амалии зачем-то нужны были письма ее сестры к князю Чарторыйскому. Неужто она хотела интриговать против императрицы? Принцесса находилась «в гостях» уже второй год, и с сестрой в свете была неразлучна. Елизавета даже приободрилась заметно, стала вести себя увереннее и жизнерадостнее. Возможно, именно благодаря влиянию и поддержке Амалии императрица смогла так твердо, уверенно и несгибаемо действовать во время несчастных событий 12 марта. Скорее всего, Елизавета доверяла сестре все, о чем говорила в своих письмах. И та решила обернуть доверие против нее самой. Поэтому нужны были доказательства на бумаге. Отсюда и началась охота за несчастным Рибопьером.

«Не тревожься», – проговорил граф Ливен. – «А тебе все же поединок сослужил плохую службу... Все девицы и дамы, вплоть до самых высокородных, воспылали неумеренным сочувствием к твоей судьбе. Вот так и вышло. Упреки от принцессы Амалии за неподобающее поведение моей жены я уже получал лично».

«Я сам не рад, что все вылезло на публику», – вздохнул Саша. – «Из-за этого меня стало проще найти. Ну и отбиться я не смог».

«Никто не может отбиться, когда на тебя нападают те, кто умеет убивать», – заверил его Кристоф. – «Ну а что касается писем... Говорят, князь Чарторыйский – благородный человек».

Рибопьер посмотрел на него изумленно.

«Говорят», – повторил Кристоф. – «Я не имею чести его близко знать. Кстати, откуда вы взяли донос на меня?»

«Его автор – покойный граф Талызин», – проговорил Рибопьер. – «Там о нас всех говорится...»

«Что случилось с Талызиным? Не самоубийство ли?»

«Неизвестно. Когда я приехал к нему, все дома было разгромлено, слуги были уверены, что было совершено ограбление. Камердинер сказал, что застал хозяина лежащим у кровати, все было испачкано... Подозревают, что Шестого рыцаря отравил кто-то».

Кристоф открыл папку. Пробежался глазами, не вдаваясь в сам текст. «Жизни Вашего блаженной памяти отца, покойного нашего государя, угрожало тайное общество, членом коего состоял и я сам...», – уловил он глазами предложение, которое сказало все. Донос был не закончен, даты и подписи не проставлено. Скорее всего, он был последним, что написал в своей недолгой жизни его приятель.

«Зачем ты пришел к нему?»

Рибопьер замаялся.

«По чистому наитию, Ваше Сиятельство», – произнес он застенчиво. – «Почему-то подумал, что необходимо вспомнить о нем... Оказалось – слишком поздно».

«В этом случае поздравь себя с тем, что опоздал», – Кристоф встал с дивана, вырвал исписанные крупным круглым почерком листы из папки и начал их разрывать на мелкие клочки методично.

«Я бы смог ему помочь», – Саша следил за ним глазами, не отрываясь».

«Нет, не смог бы. Если его смерть наступила от болезни, то она, эта болезнь, развивалась необычайно быстро, и он бы умер у тебя на руках. А потом тебя бы объявили в отравлении. Нашли бы этот донос – и приплели бы в качестве мотива твоих преступных действий. Если Талызина кто-то убил – неважно чем, ядом или кинжалом – то убийца бы не захотел оставлять свидетелей своего злодеяния».

«Хоть в чем-то мне повезло», – вздохнул молодой человек, выслушав рассуждения своего начальника. – «Кстати, я также услышал, что полтора месяца назад граф Талызин отписал свое имение в пользу собственных родственников...»

«Значит, сам», – подумал Кристоф, но вслух делиться своими предположениями не стал. С другой стороны, может быть, он знал о том, что его кто-то захочет убить? Или носил в себе зачатки сведшей его в могилу болезни, пока невидимые никому, кроме него самого? Графу Петру было нечего терять – вот он и встал на скользкий путь доносчика. Против тех, кто свято хранит тайну своего существования. Но кто заставил его доносить? Шестой рыцарь никогда не вызывал у Кристофа сомнений в своей верности. Он знал очень многое, считался хранителем всех розенкрейцерских тайн и весьма продвинутым по пути «славления света». Имелись все основания полагать, что Талызин станет «мастером Восьмой части мира». И тут – такой вот донос... Уничтожив эти бумаги, граф также снял со своего Брата по Розе и Кресту обвинение в самом тяжком из грехов – предательстве. И если его спросят, то будет отрицать – был ли донос, не было ли его.

«Наши редко умирают своей смертью», – тихо проговорил он. – «Особенно в нынешние времена. Мы слишком много кому мешаем... Поэтому в свой срок следует поступить так же, как наш Брат, да пребудет он вечно в Небесном Царствии...»

Они оба перекрестились.

«Я, наверное, никогда не женюсь», – тихо произнес Рибопьер. – «У меня есть одна девица... там, за триста верст. Но она богатая, богаче нашего, никто за меня ее не отдаст. Раньше я терзался этим обстоятельством, а нынче думаю – так слава Господу, что подобное препятствие существует. Недаром все же рыцари старых времен приносили обет безбрачия».

Кристоф почти не слушал его излияний. В другое время он бы над ним как-то подшутил, но нынче его мысли были заняты другим. Что будет дальше? Смерть Талызина была признана естественной, и даже если у кого были подозрения, то пока никто их не озвучил. Мало ли отчего может умереть человек, даже относительно молодой? Близких родственников нет, забить тревогу некому. В том-то и проблема. Недаром говорилось: «Негоже человеку быть одному». Всегда рядом с ним должен находиться кто-то близкий.

«Ранее я рассуждал так же, как ты», – проговорил Кристоф. – «Мол, одному всегда легче. Особенно крепко я в это верил после того, как мне жестоко разбили сердце... Но ежели ты остался один, без всяческой поддержки, то ты становишься бессильным. До тебя проще добраться. Причем не только убийцам. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?»

Его юный друг кивнул, но не особо уверенно. Граф усмехнулся про себя: «Ну вот, я и начинаю проповедовать... Так и наступает старость».

«Я обязательно заступлюсь за тебя перед государем, если у тебя возникнут какие-то проблемы из-за писем. Но, как мне показалось, Ее Величество готова нынче сама нести за них ответственность», – продолжил он.

Рибопьер взглянул на часы и охнул.

«Я обещался быть у сестры!» – произнес он. – «Лиза знает, что со мной стряслось. Небось места себе уже не находит, думает, что меня все-таки прикончили».

«Передай ей приветы. И от моей жены тоже», – сказал на прощание Кристоф.

Когда дверь за Сашей закрылась, Дотти, занимавшая себя чтением и не слышавшая беседы, так как она велась в отдаленной комнате и довольно тихо, накинута на мужа.

«Молись за упокой графа Талызина», – проговорил он, не сильно печальным, впрочем, голосом.

«Ужас какой... Он же всего на семь лет тебя старше... Что с ним случилось?» – ожидаемо начала расспрашивать девушка.

«То же, что и с государем Павлом Петровичем», – сказал Кристоф, и после паузы, во время которой его жена усиленно пыталась примириться с новостью, добавил:

«Так, как написано в манифесте».

Они оба уже знали, как просто выдать убийство за смерть от естественных причин.

CR (1830)

Итак, Нессельрод все правильно рассчитал, уехав в свой Эмс принимать ванны и прогуливаться по лесам и холмам. На долю вашего покорного слуги свалился большой кризис. Во Франции давеча объявлена республика – «никогда такого не было, и вот опять», как скалбурил давеча князь Меншиков. В связи с чем Государь хочет немедленно седлать коней, и я ежедневно уговариваю его повременить с этим делом. Иногда с трудом. Его чувства мне ясны, но против войны восстают все его министры. И только у меня, Думаю, все это не ограничится одной только Францией. Что-то обязательно должно развалиться еще. Можно даже ставки делать – или Испания, или, как подозревает Альхен, опять Неаполь. По этому поводу с ним заключили пари на севрский сервиз на шестнадцать персон. Подходящая награда в подобном случае. Если же никто из нас не угадает, и возмущение начнется, например, в Пруссии (будет весьма странно) или в Австрии (*tu l'as voulu, Georges Dandin* – так я и отпишу нашему великому канцлеру, как только узнаю новости о беспорядках на улице Вены, и, признаюсь, это доставит мне большое удовольствие), сервиз мы оба перебьем, как в былые времена. Никто не удивлен – кроме Его Величества, полагаю – что д'Артуа свергают. Важно понять, на кого – или на что – его хотят заменить. От этого и зависит весь порядок моих действий. А Нессельрод пусть и далее наслаждается долгожданным отдыхом. Я специально еще не отправлял к нему курьеров. Наверное, уведомя графа только тогда, когда ситуация выйдет из-под контроля, и Государю ничего не останется делать, как отправлять экспедиционный корпус во Францию уже проторенной дорогой.

И вот что мне интересно. Пять лет назад, когда у всех на устах было имя Риего, волевым усилием вмешалась Франция, на которую давили все четыре державы одновременно. Нынче что нас ждет? Испания выйдет на помощь нашему незадачливому Карлу X? От одной этой мысли мне становится смешно. А потом удивляюсь самому себе: неужели я за все эти годы достиг истинного просветления, и мне любые политические тревобления кажутся пустяками? Четверть века тому назад я бы проводил на службе круглые сутки в попытке хоть как-то уладить возникший кризис, бесконечно бы курил и выглядел бы так, что краше в гроб кладут, а в конце концов у меня бы снова открылось легочное кровотечение из-за некоей пустячной простуды. Сейчас мне почти что все равно, что происходит там, за тысячу верст от нас, и какие новости привезут с курьером назавтра. Катаюсь на Острова, пью шампанское, стреляю по бутылкам из своих любимых «Ланкастеров», как юный поручик, и даже совершаю различные глупости, за которые мне впоследствии будет крайне стыдно... К сожалению, предаваясь сим *les petites betises*, я чувствую свой возраст в полной мере. Тридцать лет назад меня лишь немногие дамы и девицы посмели бы в гневе выкрикнуть мне в лицо: «*Le vieux cochon!*» и захлопнуть дверь в свою спальню прямо перед моим носом, как вчера поступила одна юная черноглазая *demoiselle*, фрейлина императрицы, кажется. Но я сам виноват. Как говорится, «вспомнила

бабка, как девкой была» (да, я страдаю грехом многих своих соотечественников – привязан к русским пословицам, потому как в моем родном языке не слишком много столь красочных и метких изречений, придуманных народным разумом).

Но преимущество моих тогдашних тридцати лет перед нынешними пятьюдесятью шестью ограничивается только наличием благосклонности хорошеньких *demoiselles*. Кстати, их можно понять. Вспоминаю, как тогда мы всю потешались над стариками екатерининской эпохи, гоняющимися за актерками Французского театра или хорошенькими светскими дамами. Нынче я сам, верно, выгляжу так же.

Итак, ежели мне предложили вернуться на четверть века вперед, я бы наотрез отказался. Нет, я, конечно, бывало, грущу по этим временам, но особой тоски не испытываю. Больше тоскую по людям, которых уже нет рядом со мной. Таких уже более не появится... Нынешние люди ведут себя иначе. Даже те, которых я знал, весьма изменились. Но я, кажется, об этом уже писал.

Что ж, коли я задумался о прошлом, надобно написать о тех временах, которые я полагаю «золотыми» и в которые, быть может, вернулся бы, если предоставили бы подобную возможность. Мне выпало на долю четыре года условного «мира» и абсолютного счастья, совпавшие с первыми четырьмя годами правления покойного государя. В эти годы те, чьим мнением я всегда дорожил, полностью признали мои таланты и способности. Я начал полагать себя государственным деятелем, способным реально что-то изменить в России. Даже составил на досуге пару проектов «государственной важности». Хорошо, что сжег их черновики. Надеюсь, чистовые версии постигла та же участь, и они не сохранятся ни в каком архиве на потеху потомков, которые вздумают изучать историю наших времен.

Что же касается моей частной жизни... Скажу сразу – тогда все было лучше. Гораздо лучше, чем потом. Мое счастье несколько омрачала необходимость постоянно присутствовать рядом с государем в поездках, но они не были продолжительными, и, как известно, разлука только обостряет любовь. К концу сего «золотого века» моего брэнного существования я впервые стал отцом и неожиданно для себя почувствовал, что вполне подхожу для этой роли.

Но обо всем по порядку.

Итак, я сохранил дружбу Государя, да и всех при Дворе, включая особ вышестоящих. Могу сказать, что единственный из них, кто питал ко мне некоторую неприязнь (не назову это ненавистью или враждой) – цесаревич Константин. Чем заслужил я его немилость – не скажу. Мы даже не соприкасались друг с другом ни по каким делам. Так полагал я тогда.

Однако теперь я могу сказать, что для этого нужно немного. Но он в целом личность не самая дружелюбная, готовая искать врагов во всех. Нынче уже привык, что некоторым не нравлюсь самым фактом своего существования, но двадцать пять лет назад был охвачен желанием сделаться всеобщим любимцем или хотя бы не нажить врагов. Оттого-то я и сблизился с «квартетом вольнодумцев», каждый из которых при менее благоприятных обстоятельствах мог бы стать моим врагом.

Но сближение это произошло далеко не сразу. И протекало весьма неровно, а то и причудливо. Со множеством взаимных обид и разногласий. Окончилось глубоким разочарованием с обеих сторон, обменом «любезностями» и одновременной порчей репутаций друг другу. Не хотелось бы о сем вспоминать, но надо. Для исторической верности. Люди, о которых пойдет речь ниже, уже перестали что-то значить на политической арене, а кое-кто и мертв (и снится мне во снах, после которых у меня в душе – странное волнение).

Итак, из нас всех император Александр отобрал четырех, которых полагал наиболее просвещенными, толковыми и удачливыми. Многие с этим выбором не были согласны, видя на месте Новосильцева, Строганова, Чарторыйского и Кочубея самих себя или кого-то из собственной партии. Скажем, мой друг князь Долгоруков всячески досадовал на то, что эти четыре человека пользуются всеми видами власти и влияния на государя. И было, за что. Они един-

ственные, кто могли в любое время заходить к государю без доклада. Говорили, что каждый из них носит при себе ключ к потайной двери в императорские покои, чтобы без лишних проволок и свидетелей переговорить с Александром, когда им хочется. Не буду тут повторять слухи о затеваемых «молодыми друзьями» проектах. Слова «революционеры», «якобинцы», «безумцы» повторялись в их адрес с завидной регулярностью. Правда, произносили их, в основном, люди пожилые и благонамеренные. Мои ровесники не скрывали, что откровенно завидуют «квартету». Но у тех было хотя бы, что предложить Государю. Мы (те самые завистники) пока не думали ни о чем. Нам нечего было предложить. И меня это весьма напрягало, если честно.

...Когда узнают, что я пять лет водил дружбу с графом Строгановым, обязательно спросят: «А он показывал вам свой проект Конституции?» или «А о чем они совещались с Чарторыйским и Новосильцевым?» (бедного Виктора Кочубея всегда задвигают). Вероятно, те, кто прочтет когда-либо эти строки, начнут в нетерпении перелистывать страницы, отчаянно ища описаний заседаний Негласного комитета, которые я переложил здесь со слов своего друга. Отвечу сразу: Комитет потому и назывался «Негласным», что в его деятельность было посвящено как можно меньше людей. Я имел достаточно такта, чтобы не давить на графа Поля с требованием пересказывать мне все обсуждаемое, и чтобы не напрашиваться в члены Комитета самому. Ведь иначе бы меня возненавидели очень многие. В том числе, собственные родственники. Но расскажу все по порядку.

Коронация государя была назначена на сентябрь. В августе всему Двору предстояло переезжать в Москву. В июне в Петербурге объявился Чарторыйский, четвертый из основных приближенных к государю лиц, и они открыли первое свое заседание. О нем я, разумеется, не знал, так как тайна была сохранена. У меня были другие дела и заботы, – точнее, в кои-то веки полное их отсутствие. Нанять дачу на Каменном острове оказалось блестящей идеей. Наверное, только в детстве я ощущал себя столь свободным и не обязанным никому ничего. Просыпаться тогда, когда хочется, а не когда надо – бесценно. Я всю жизнь ненавидел подниматься до рассвета и, признаюсь, большой любитель поваляться в кровати до полудня, и в кои-то веки смог предаться своей страсти вдоволь, благо Государь не требовал меня к себе ранее трех часов пополудни. Столь же прекрасно проводить вечера, ужиная на веранде, держать большие французские окна открытыми в сад, вдыхать дивный запах белой сирени, растущей прямо под окнами в спальню, и слушать фортепиано, и читать «Песни Оссиана», представляя совсем иные берега, давая своему воображению полную волю... А недалеко была купальня, я любил приходить туда после заката и переплывать неглубокий пруд от края до края. Как сейчас иногда делаю в Ричмонде.

Прожил бы я в подобной неге всю жизнь? Вряд ли, сразу говорю. Дотти явно скучала, хотя и гуляла по саду вовсю. Я купил ей пару лошадей, весьма смирных, одну белую, вторую каурю, которым она придумала невероятные клички – одна у нее прозывалась «Элеонорой», другая – «Кастильондой». Всему живому надо давать имена – мое неотложное правило. И имя должно быть у каждого свое. Этому я учу всех, кто готов учиться. И первый урок, который я преподавал Доротее, звучал именно так. Она оказалась весьмамышленной ученицей. Во многом превзошедшей своего учителя, это так.

Помимо этого, я учил ее выездке. Странно было рассказывать ей основы мастерства, коим овладел почти в бессознательном возрасте. Даже нужных слов не находилось. Впрочем, ездить в дамском седле на смирной кобыле – это не особенно сложная наука. Могла и самостоятельно ее освоить.

Но дело было далеко не только в настроении моей супруги. Я тоже на третий примерно день эдакой беззаботной жизни начинал не находить себе места, и, в конце концов, выезжал в город видетсья с приятелями и смотреть, что творится в свете. Приглашал и сюда людей, разрушавших мою тщательно выверенную атмосферу своими разговорами, громкими голосами, размашистыми жестами. Они создавали из моего уютного парадиза нечто свое, отчего он утра-

чивал первоначальные черты и превращался в обычный «открытый дом». И, самое нехорошее, что я сам не замечал поначалу, когда и как именно мой тщательно выстроенный Heim превращается в «место для всех». Наверное, то была репетиция той жизни. Когда почти все выставлено напоказ, для гостей, и мы сами как-то должны проводить в подобных интерьерах свою частную жизнь, будучи практически ежедневно вынужденными готовиться к приему высочайших гостей.

На коронацию Дотти не поехала, очень переживая по этому поводу. По ее словам, ее туда не пустила Мария Федоровна, которая наотрез отказалась видеть триумф сына, по ее мнению, несправедливо получившего власть. Весь «малый двор» остался в Павловске, и моя супруга, которая к нему принадлежала, никуда не поехала. Я, естественно, отправился туда, так как являлся генерал-адъютантом Государя.

«Малый двор»... Одно из ненавистных мне мест. Хорошо, что нынче самого такого понятия не существует. В первые годы правления императора Александра Павловск – и само окружение вдовствующей императрицы – моментально сделались прибежищем тех, кто по каким-то причинам был недоволен «молодыми друзьями» и затеваемыми ими преобразованиями. Или кто, как мы, был кровно связан со вдовствующей императрицей. Я старался пореже там бывать, но, конечно, приходилось, потому как тогда на меня начинала обижаться матушка, тоже ничуть не потерявшая в своем влиянии, – напротив, своим твердым и мужественным поведением в роковую ночь на 12 марта укрепившая его. Стоило мне появиться у нее в гостиной, как на меня набрасывались с расспросами – что и как происходит при «большом дворе», что собирается делать государь, правда ли, что в России будет Конституция и Парламент, почему мы не разорвем отношения с Францией, а наоборот, собираемся возобновить мирный договор с нею, и будет ли война в обозримом будущем, etc, etc... Я обыкновенно ссылался на то, что занят по службе, мне недосуг вступать в философские и умозрительные разговоры, но матушка на меня весьма давила, требуя решительных ответов. Я догадывался, что эти ответы будут обсуждаться на все лады, частенько в перевернутом виде, а потом итоги этих обсуждений будут известны государю и его ближайшему окружению. Во всей этой суеде проходили весна и осень 1801 года. К октябрю дело достигло критической отметки. За государевым столом я замечал, что граф Строганов смотрит на меня, как на злейшего своего врага. Его кузен Новосильцев не отставал от него, и пару раз сказанул известное про «немцев, которые получают все». Моего приятеля Долгорукова не было. Тот отправился в Вильно, инспектировать губернию, коей отослали управлять Беннигсена. Государь устранил от себя всех убийц своего отца, и с Беннигсеном, присутствовавшим в той самой спальне, поступили лучше всех.

Может быть, и к лучшему, что князя Петра рядом со мной не было тогда. Тот бы своим неловким вмешательством натворил дел, доведя меня чуть ли не до дуэли.

...После того обеда я отправился к себе в тяжких раздумьях. Мне – равно как и тому «квартиру» – не нужно было открытое противостояние. Я не мог не признать, что нет смысла унижать их в глазах государевых, как постоянно предлагали мне что «старики» из круга вдовствующей императрицы, что князь Долгоруков, потому как против них лично ничего не имел. Завидовать – не завидовал, скорее, сожалел. Ведь по себе знаю, что значит близость к государю. Да, входить без доклада в любое время дня и ночи – это, на первый взгляд, величайшая честь, но по здравому рассуждению – и обуза. Я сам пять лет пользовался сей «милостью», и могу сказать – ничего в сем хорошего нет. Тогда я только радовался, что меня держали на расстоянии вытянутой руки. Да, государь обращался ко мне только по имени и на «ты», но не обсуждал со мной всех своих планов и затей. Я занимался только тем, что входило в круг моих компетенций как начальника Feldkanzlei, и лишь радовался тому, что мне не нужно более обременять чем-то иным. Но времена менялись стремительно, и каждый день приносил что-то новое. Нужно было к сим изменениям приспособливаться, иначе мне оставалось бы только ворчать, как старый дед, в гостиной моей матушки. Отмечу еще тот факт, что я искренне любил своего

Государя и хотел принести ему пользу. А окружение Марии Федоровны видело в нем самое большее – мальчишку, не способного управиться с элементарными делами.

Итак, что же мне оставалось делать? Я отписался Армфельду, пребывавшему в Берлине, и тот ответил мне так: «Делать великие дела, потому как время для этого самое благоприятное». Далее он написал: «В благополучные времена многие предпочитают почивать на лаврах или же предаваться безделью, думая, что этого заслужили. И лишь в грозу жизни своей развивают активную деятельность. Но тогда зачастую слишком поздно что-то делать. Не трать время, проявляй себя, не дожидаясь бури... Я знаю, о чем пишу, ибо сам когда-то был праздным во времена затишья, растрачивая впустую драгоценные мгновения мира...»

Все на бумаге звучало отлично. Но как я мог быть полезен? Единственное решение – подружиться с «квartetом». Войти в их круг. Долгоруков этого бы мне вряд ли простил. Да и не думаю, что они встретили бы меня с распростертыми объятьями. Но спокойно взирать на то, как они смотрят на меня и на моих друзей, я более не мог. Тут либо откровенно ссориться с ними – со всеми последствиями – либо терпеть.

К тому же, то, чем они занимались, тоже было мне не чуждым. Так как свободного времени у меня стало поболее, чем раньше, я снова предался чтению разнообразных книг – как исторических, так и философских, какие мог достать. Даже завел себе тетрадь, в которую выписывал различные понравившиеся цитаты и любопытные мысли, которые хотелось бы развить. Я всегда был человеком практичным, поэтому в книгах искал то, что могло быть применено к реальной жизни и было бы созвучно с моим личным опытом. К тому же, я осознал в себе амбиции государственного деятеля. Не помню, в какой именно момент своей жизни я понял, что мне недостаточно просто служить государю и выполнять его приказания, с покорностью подчиняясь переменам, которые вносят в жизнь люди, обладающие истинной властью. Потому как, несмотря на все атрибуты высокого положения, знатность и богатство, я в реальности не обладал даже властью над собственной участью, не говоря о чем-то ином. События прошлого царствования, слишком отчетливо сохранившиеся в памяти, это со всей отчетливостью показали. Возможно, кстати, что стремительные преобразования, которые озаменовали «дней Александровых прекрасное начало», как написал один талантливый поэт, были вызваны именно реакцией на тиранию убитого государя.

Я знаю, что проекты того времени, многие из которых никогда не были реализованы, приписывают исключительно «избранному квартету»: нашим «братьям Гракхам», Строганову и Новосильцеву, а также присоединившимся к ним польскому и малороссийскому магнатам. Понятно, что им было выгодно представить дело так, будто Негласный комитет оказался один против косного большинства, не понимающего и половины тех проблем, против которых они собирались бороться. Как представитель сего «большинства», скажу, что все было не совсем так. Конечно, имелись отдельные личности, которых приводил в шок простой факт, что мы собираемся ограничить (даже не отменить покамест) крепостную зависимость крестьянства и позволить получившим вольную рабам приобретать землю, которые называли тех, кто поддерживал этот проект, «опаснейшими якобинцами. Будете смеяться, но в ту пору и ваш покорный слуга заслужил среди определенного круга единомышленников репутацию «вольнодумца», лишь только я заикнулся о необходимости как-то улучшить положение зависимых от меня людей. К счастью, большинство умных и просвещенных соотечественников поддержало мои взгляды.

Однако, что касается тех, кого я знал близко, моих ровесников, занимающих похожее положение при Дворе и в свете, то назвать их «стариками-консерваторами» было бы абсурдно. Каждый из нас хотел тоже стать сподвижником Государя, и некоторая неприязнь к «квартету» состояла именно в том, что они монополизировали место преобразователей. Князь Долгоруков предлагал в открытую воевать с ними, но я понимал, что этим мы только уроним себя в глазах императора и света. Пьер Волконский своего мнения на этот счет не имел и, в целом, поддер-

живал мое видение. Он-то мне и предложил составить проект о том, что меня волнует, и представить его на рассмотрение кому-нибудь из Негласного комитета. Поначалу я несколько возмущился. А если они присвоят мои труды себе? «Я не думаю, что они настолько бесчестны», – твердо проговорил князь в ответ на мои сомнения. – «Наоборот, кто-то из них тебя поддержит непременно».

«Но кто же?» – спросил я.

Мы тогда сидели у него на даче, которую он нанял недалеко от меня – место оказалось модным и все больше приближенных ко Двору людей нанимало там дома на лето или даже строилось – и глядели на закат. Мы только что вернулись с коронации, вдохновленные речами, произнесенными государем, и обдумывали, как нам применить себя в грядущем раю свободы, равенства и братства, обещанном нам.

Услышав мой вопрос, Волконский помедлил, затянувшись сигарой. Я и так был удивлен слышать от него подобные речи, весьма здравые и обдуманные. Честно говоря, доселе я полагал его глуповатым, – в основном, из-за немногословия и постоянного спокойствия, – разделяя распространенное заблуждение, будто бы молчаливый человек таков только потому, что ему нечего сказать.

После паузы, показавшейся мне затянувшейся, князь Петр произнес:

«Я бы на твоём месте первым обратился к графу Строганову».

«Он же... краснее красного», – тихо отвечал я, на миг усомнившись в здравомыслии своего друга.

Волконский улыбнулся.

«Был. В пятнадцать лет», – проговорил он тихо. – «Вспомни, кем ты был в том возрасте?»

Я вздохнул.

«Кем-кем? Большим идиотом».

«Как и все... Не знаю, что бы из меня выросло, додумайся мой папенька поручить мое образование гувернеру-якобинцу...»

«Про него говорили, будто бы он выдал королевскую семью Конвенту, когда они пытались сбежать», – неуверенно произнес он.

«Ты сам веришь в то, что от какого-то русского отрока могло столь многое зависеть?» – Пьер взглянул на меня весьма насмешливо, и я мигом устыдился всей абсурдности моих слов.

«Но почему именно он?»

«Как почему? Я бываю при государе чаще, чем ты, и могу тебе рассказать, почему», – есть у этого моего друга одна не самая приятная особенность – сей «*prince de Pierre*» становится весьма разговорчивым, стоит его подпоить как следует, и потому он чаще всего воздерживается от вина. Но в тот вечер он, видно, от усталости, выпил чуть больше обыкновенного, да и мне доверял, поэтому мог говорить свободно.

«Так вот», – продолжил он. – «Новосильцев – пьянь и дрянь, уж извини. Бастард – он и есть бастард. Князь Адам ненавидит всех русских, хоть и тщательно притворяется, что наш лучший друг. Ты, впрочем, можешь с ним попытать свое счастье, ибо у тебя не русское имя. Но я бы все равно не советовал... Вставит в спину кинжал тогда, когда ты этого не подозреваешь. Что касается Кочубея, то я покамест не понял, что он такое... Понял только, что он большой тихоня. А такие меня всегда настораживают»

«То есть, Строганова ты избрал методом исключения?» – усмехнулся я.

«Не совсем. Я вижу, как он общается с государем, со мной... Это искренний и откровенный человек. Если уж тебя невзлюбит, так ты узнаешь об этом первым. А дружбу его сможешь приобрести – так, значит, другом он и останется. Если не навсегда, то надолго».

Мне нечего было на это сказать.

«Кроме того, он единственный живет открытым домом. Ибо женат, а супруге его, как понимаешь, хочется видеть людей. Очень образованная женщина, признаться», – продолжал князь Петр.

«Ты у них бывал?» – спросил я.

«Не имел чести, увы», – развел он руками. – «Но если напросишься к ним в гости...»

«Что значит „напросишься“?» – мне тоже стоит быть более умеренным в выпивке, так как я мигом становлюсь злым и начинаю придираться к словам. Это, кстати, наследственное, поэтому со своими родными братьями я никогда не пью – поубиваем же друг друга.

«Извини. Я хотел сказать – если он тебя позовет», – поправился Волконский. – «Так вот, если граф Попо тебя пригласит к себе, то не забывай, что у него столуется Новосильцев. Большой повеса, если честно. Все переводит в шутку. Многие не понимают, за что его держат в „квартире“. Однако, когда он трезв и лишен привычных развлечений, граф Николай весьма деятелен. Кузен имеет на него большое влияние и может направить его кипучие силы в нужное русло».

«Ты боишься, что он меня споит?» – спросил я. – «Не бойся, и не с такими я дело имел».

«Попробуй тебя споить. Тут в другом дело. Как раз он и способен присвоить твои мысли и выдать их за свои. Так что осторожнее высказывайся в его присутствии, даже если он, как тебе покажется, на ногах не стоит. Я знаю такую породу. Они склонны притворяться глупее и беспорядочнее, чем есть на самом деле. В их присутствии расслабляешься, а потом удивляешься, кто ж тебя эдак подвел...»

«Откуда ты все это знаешь?» – удивленно спросил я, несколько возмущенный тем, что князь Петр еще и учить меня вздумал.

«А я смотрю за всеми и пытаюсь понять, что они скрывают», – признался он. – «Надо же с пользой время проводить».

«Воистину», – вторил я, и далее мы заговорили на совсем иную тему.

...После этого разговора я действительно получил приглашение на ужин у графа Строганова. Понятия не имею, почему именно он обо мне вспомнил. Возможно, Волконский был достаточно близок к нему. На ужин была еще звана моя супруга, которая охотно приняла приглашение. Значит, ничего серьезного обсуждаться не должно было. Скорее всего, думал я, собираясь на *soirée*, нынешний визит – простое знакомство. Ко мне решили. Что ж, приглашение следовало принять и к обоюдной пользе. Мне тоже были любопытны эти люди, которых я так мало знал, но про которых так много слышал (в основном, как понимаете, нелицеприятного). *приглядываться*

Я не стану здесь описывать, как выглядел Строгановский дворец. Род моего приятеля относился к богатейшим в России, он полагал себя наследником миллионного состояния – впоследствии, спустя 10 лет, выяснилось, что долги, оставленные графом Попо от отца, перевешивают все богатства, и, соответственно, роскошь была неимоверная. Доротея откровенно озиралась, запоминая убранство интерьера – она как раз затеяла полностью переделать наше жилище с учетом новых вкусов и положения, поэтому всегда присматривалась к красивым вещам, увиденным где-то. Что ж, особняк Строгановых мог стать источником вдохновения для любого, ценящего толк в красивом убранстве. Не буду всего описывать, но упомяну, что в ту пору я еще только вырабатывал в себе привычку к роскошному образу жизни. Выработал-таки, и этого не отнять. Оказалось, что у меня и вкус имеется, а он часто отсутствует у тех, кто вырос, как я, в бедности. Обычно бедняки, резко разбогатев, покупают все, что выглядит явно дорогим

Помимо графини Софьи Владимировны, красота которой была равна ее блестящему уму, и, собственно, хозяина дома, молодого человека моих лет и счастливой наружности, присутствовал тот самый Николай Новосильцев, про которого предупреждал меня князь Петр. Он

преувеличенно – более графа Павла – обрадовался моему явлению, из чего я сделал вывод, возможно, несколько поспешный, о том, что именно он стал инициатором моего приглашения.

...Вы, возможно, слышали о Новосильцеве как о жестоком наместнике Польши. И впрямь, большего ненавистника поляков тяжело было сыскать. Мы с Алексом это тоже обсудили, и мой beau-frère проговорил, что сам указал государю на сию кандидатуру. Я заметил, что сие решение не слишком мудро.

Новосильцев мог бы быть послом в Лондоне вместо меня. Тогда на него все общественное мнение указывало. Мол, человек прожил там несколько лет, посещал выступления Парламента, знает лично немало людей из тамошнего establishment'a, а кто таков сей Ливен? Марионетка, простой офицер без собственного мнения, без связей и знакомств – не более того. Я и сам, признаюсь, удивлялся, почему при выборе подходящего кандидата для столь высокого и ответственного дипломатического поста отдали предпочтение именно мне. Возможно, результаты моей деятельности в Пруссии государя впечатлили, вопреки моим ожиданиям. Возможно, мне доверяли в ту пору больше, чем графу Николаю. В любом случае, нынче на моем месте сложно представить кого-либо другого, а тем более, Новосильцева.

Но тогда, разумеется, никто из нас не знал, как в дальнейшем будут развиваться наши судьбы и карьеры.

Не буду передавать всех застольных бесед, потому что в начале они не заключали в себе ничего серьезного. Обычный обмен светскими новостями, разговоры о том, что дают в театре, о последних новинках литературы и музыки (здесь я постыдно замолк, но Дотти мигом вспомнила названия всех романов и фортепианных пьес, которые выписывала по почте, сумев оживить table-talk). О политике речь не шла. Всякий раз, когда беседа выворачивала на государя, Двор, военные действия или на заграничные дела, мои хозяева как-то умолкали и переводили разговоры на куда более невинные темы. По наивности я счел, что Новосильцев и Строганов так поступают для удобства присутствующих дам. Однако графиня Софья могла превосходно поддержать разговоры отнюдь не только о кружевах, французских романах и сочинениях Чимарозы. Я невольно был зачарован ее изложением, ее манерами и умением держать себя в обществе. Она сочетала в себе все лучшее, что я до этого видел в светских дамах. Я полагал Строганова счастливцем и, признаться, досадовал на то, что Доротея, в силу своей тогдашней молодости, а также быстро завершившегося формального образования, не сравнится с ней.

Теперь, вспоминая об этом, я смеюсь: Дотти переплюнула графиню Строганову, да и многих других, став настоящей salonniere во всем. Пусть, возможно, она не столь начитана и просвещенна. Ее сила в ином. И предназначение ее немного иное.

К тому же, что она, что я прекрасно знаем: когда принимаешь важных гостей, от мнения которых может зависеть удача вашего предприятия, ни в коем случае не следует сразу же переходить к делу. Нужно хотя бы полчаса занимать их пустой болтовней, обязательно чем-нибудь вкусным кормить и чем-нибудь качественным поить, и только потом, если важный гость того возжелает, переходить к делу. Главное, опять же, в этом не переборщить, особенно когда имеешь дело с англичанами. Те твердо верят, что time is money, посему только злятся, если их настойчиво отвлекать от цели визита. Всегда необходимо знать золотую середину. Ранее я был склонен немедленно обсуждать дела, чтобы не терять лишнего времени, и даже полагал это особого рода тактикой – не давать времени на уловки, принудить говорить истину, и но с годами становлюсь все более неспешен.

Что ж, Строганов и Новосильцев знали это золотое правило, поэтому вечер всё тянулся, а к сути моего визита мы не приступали. Под конец, оставив дам развлекаться, мы прошли в малую гостиную. Меня усадили на диван, предложили на выбор несколько трубок и сортов табака. Мой выбор Новосильцева, признаться, весьма удивил.

«Но это же самый крепкий, какой есть», – проговорил он изумленно. – «Неужто вы такое предпочитаете?»

«Это не самый крепкий», – разуверил я его. – «Но мне такой весьма нравится».

За мной ухаживали, как за барышней, предупреждая все мои желания, отчего я чувствовал себя неловко. «Что они от меня хотят?» – постоянно вертелось в моей голове.

«Скажите, как поживает ваш друг Долгоруков?» – любезно поинтересовался у меня Строганов.

«Уже более месяца как я его не вижу. Он, как вы, вероятно, уже знаете, в отъезде», – отвечал я немного досадливым тоном.

«Вчера государь получил от него реляцию. Как я вижу, он времени не теряет», – произнес Новосильцев, подливая нам всем вина. Я почти не притрагивался к напитку, но и он, несмотря на свою репутацию запойного пьяницы, покамест не пил. Очевидно, терять концентрацию ему было не с руки нынче.

«Я только завидую этому его качеству», – подхватил его кузен Поль. – «Быстроте и умению угадывать момент».

«Да, этого у него не отнимешь», – подтвердил я, чуть не сказав: «Знаете ли, если вам так надобен князь Долгоруков, то дождитесь его возвращения и пригласите сюда уже его. Причем здесь я».

«А знаете, что самое интересное, Ваше Сиятельство?» – любезно проговорил граф Николай, не отводя от меня пытливого взгляда своих черных глаз. – «По итогам сей ревизии государь жалует графа Беннигсена полным генералом. Неплохо так, да?».

Новость должна была для меня что-то значить, поэтому и произнесена была подобным тоном. Но я промолчал, не до конца поняв, каким образом все это связано со мной.

«Как полагаете, действительно ли дела в Литве обстоят так, как описывает про то князь?» – снова задал каверзный вопрос Новосильцев. Его кузен помалкивал и казался безучастным. Я даже подумал, будто граф Павел хотел нас покинуть, присоединиться к дамам, и только некий долг удерживал его в нашей компании.

Я пожал плечами. Откуда ж мне такое знать? В Литве я не бывал, с Беннигсеном особо не знаком, он мне всегда был неприятен.

«А вот князь Чарторыйский утверждает, что там все далеко не так радужно», – продолжал насаждать на меня Новосильцев.

«И вы полагаете, будто князь Долгоруков врет», – произнес я твердо.

Мои простые слова вызвали подобие паники на самоуверенном лице графа Николая. Казалось, он не ожидал от меня них. Строганов тоже посмотрел на меня взволнованно. Было понятно, что последнему разговор неприятен. Он даже бросил выразительный взгляд на своего кузена и проговорил тихо:

«Ну причем тут оно, Ники?»

«Врет» – чересчур резко сказано», – уклончиво улыбнулся мой собеседник. – «Скорее, видит не всю правду. Но что ж, похоже, что Беннигсену везет. В отличие от всех остальных».

«Вам тоже весьма везет», – произнес я ровно с такой же улыбкой.

Строганов вновь взглянул на меня с каким-то даже суеверным ужасом. Я ломал все их представления о том, как должен был вести себя с ними, прекрасно это сознавал и даже был немного горд собой.

Повисла пауза, после которой граф Павел сказал, побледнев (в этом у нас имелась схожесть – он вообще отличался склонностью бледнеть от волнения и гнева; обычно люди, испытывая подобные чувства, багровеют):

«Mon cher cousin, прошу тебя, дай нам час поговорить с графом наедине».

Новосильцев оскорбленно взглянул на него и произнес:

«Ладно, поступай, как знаешь».

Затем он удалился из комнаты, громко закрыв за собой дверь. Я подумал было, что обзавелся в его лице очередным недоброжелателем, а то и врагом.

«Прошу прощения», – искренно проговорил Строганов.

«Я вовсе не обижен, право слово», – напустив в голос притворного изумления, отвечал я.

«Так вы и впрямь полагаете, будто мы стали приближены к государю лишь благодаря удаче?» – спросил мой собеседник, и в голосе его не послышалось ни ерничания, ни усмешки. Ему действительно было важно знать мое мнение. Такая прямота меня подкупила, и я снова вознес мысленные хвалы Пьеру Волконскому за прозорливость.

«Почему ж? Государь приблизил к себе достойных и просвещенных», – произнес я, стараясь, чтобы в моем голосе не звучало ни намека на зависть или досаду. – «И не в моих правилах оспаривать его выбор приближенных».

«Но ведь и вы всегда являлись таким приближенным».

«У нас с вами разные задачи», – я уже докуривал сигару, и обратил внимание на то, что хозяин дома не курил. И ничего не пил. И вообще держался так, словно это он у меня в гостях, а не наоборот, и должен уже скоро меня покинуть.

«Напротив», – горячо ответил граф Поль. – «Я полагаю, что нечего разделяться на партии и группировки, когда нам предстоит пережить большие изменения. Чем больше будет раздоров и партий, тем медленнее будет продвигаться наше дело».

«Но недоброжелатели того и желают», – дополнил его я.

«Да, в том-то и дело!» – воскликнул Строганов. Его голубые глаза зажглись ясным огнем, и от него теперь сложно было отвести глаз. – «Я могу понять, когда нас не любят люди пожилые, привыкшие к совсем иным порядкам. Или когда против нас выступают невежды, едва обученные грамоте. Но я совершенно теряюсь, сталкиваясь с противостоянием тех, кто должен был быть за нас».

«Возможно, дело в том, что комитет тайный», – проговорил тихо я. – «Никто не видит, как вы действуете, от того и рождаются всевозможные слухи, один нелепее другого».

«Но на сегодняшний день только так и нужно действовать!» – убежденно воскликнул граф Павел. – «Представьте себе, все это дворянство, которое привыкло к тирании над теми, кто над ними зависит... Все эти чиновники, подьячие... Все, подобные гатчинцам, Аракчеву...» (при упоминании последних я переменялся в лице, и от Поля эта перемена не укрылась).

«В общем, все эти люди внезапно узнают о том, что возможны перемены», – продолжал он с прежним пылом. – «Как полагаете, они поступят?»

Я многозначительно промолчал. Конечно же, я отлично знал, что и за меньшее государей свергают с престола и убивают. Более того, нынче я придерживаюсь взгляда, что истинное самодержавие в принципе невозможно, так как аристократия и все роды дворянства, некоторые из которых теряются уже в крестьянстве, так или иначе формируют мнение, часто отличающееся от государевой воли и видения. Их интересы тоже, бывает, не совпадают во многом. В общем, короля всегда играет свита, как бы ему не хотелось верить в обратное. Поль Строганов до конца это не понимал, полагая, будто бы русское (да и не только русское) дворянство привести в повиновение проще простого, будто бы среди них нет революционеров и не предвидится. Он всегда сравнивал русских с французами, а ведь не существует двух более несхожих народов, хотя первые с особенным рвением перенимают внешнюю сторону последних. Но далее этой внешней стороны никогда не заходят.

«Все зависит от сущности перемен. Конечно, если они не в их пользу...», – проговорил я.

«Разумеется. Кто же откажется от владения рабами?» – последнюю фразу Строганов проговорил особенно желчным тоном. – «Ведь это узаконенный и наилегчайший способ обогащения».

«В настоящее время», – добавил я. – «Но времена меняются».

«К сожалению, не так быстро, как следовало бы», – отвечал на это мой собеседник, тяжело вздохнув. Я задумался: на что он рассчитывает? На революцию, что ли? Я был неда-

лек от истины. Позже Поль признался мне, что тогда, в Восемьдесят девятом, его привлекла именно стремительность изменений незыблемого, как ранее казалось, порядка, а вовсе не та кровавая каша, которая незамедлительно последовала за ними. Впрочем, в пятнадцать лет многие молодые люди склонны любить рискованное и внезапное. Половина из осужденных по делу *le quartozе* виновна лишь в юности, легкой внушаемости, а также неправильном воспитании. И я вообще не понимаю, зачем надо было с ними так жестоко расправляться. Алекс рассказывал мне, как один из подследственных как раз и спросил напрямую у судей: «Ежели было бы вам по двадцать лет, неужто не присоединились к нам?» Мой *beau-frère* счел сие неловкой попыткой оправдаться своим малолетством (тем более, подследственный сей был не столь уж юн), но правота в словах этого несчастного была. Вот и будь Поль Строганов на четверть века моложе, присоединился бы к сим заговорщикам наверняка. Ведь в первой молодости очень редко задумываешься о последствиях своих действий и о своем будущем, легко вдохновляешься и беспрекословно идешь за теми, кто тебя вдохновляет. Постоянно кажется, будто спокойная, размеренная и благополучная жизнь неинтересна и скучна, а любые опасности вносят приятные развлечения в рутину повседневного существования. Я слишком хорошо помню себя в двадцать лет, чтобы судить своих сыновей и их ровесников за подобные устремления.

«Что для вас быстро?» – спросил я тогда.

Строганов не ответил на этот вопрос прямо, а продолжал рассуждать:

«Конечно, правы те, кто говорит, что сначала нужно просветить дворянство. Но это дело поколений, то есть, не одного десятка лет... И то, коль не было малочисленны дворяне по сравнению с остальными сословиями, все же их немало, и рассеянны они по всей России. И нравы у них очень уж различны... Невольно понимаешь Петра Великого, хоть он и был тиран. Я предлагаю поставить дворян перед фактом отмены крепостного права, но мне все возражают, и, прежде всего, государь. Но пока мы дождемся, когда общество – то бишь – меньшинство, к коему мы с вами принадлежим – созреет, тысячи и десятки тысяч людей умрут, оставшись в скотском состоянии... Поэтому, увы и ах, придется нашему государю уподобиться своему пращуру, ежели он желает добиться означенных результатов... А вы, граф, как полагаете?»

Я произнес, немного подумав. Сигару я уже докурил, голова чуть кружилась, поэтому долго и пространно рассуждать я не мог. Вспомнил реакцию своего слуги на вольную, и решил опираться на его слова.

«Знаете ли, просветить нужно не только дворянство, но и тех, кого мы собираемся освободить», – произнес я довольно тихо. – «Вы когда-нибудь пробовали давать вольную своим людям? Я вот дал своему человеку, но он ею не воспользовался. Объясняет сие преданностью. Но я-то знаю, что ему некуда более идти, кроме как ко мне. Он не сможет купить землю – закон это запрещает, да и не только ему. Не сможет заняться торговлей, ремеслом, так как единственное, что умеет – это обслуживать мои нужды. И вольная не сделает его предприимчивее, не даст ему полезных навыков, которые позволили бы прожить независимо. И да, что же станут делать все те дворяне, которые вмиг лишатся крепостных и, таким образом, дохода? Пойдут служить? Но тогда придется увеличивать жалование всем служащим. Или смириться со взяточничеством...»

Строганов прервал меня:

«Почему же? Землю будут сдавать тем же крестьянам на условии ренты».

В Остзейском крае такая форма землевладения давно практиковалась. Сейчас она узаконена, и можно видеть, что она ничего не изменила – да, латыши обрели личную свободу, но земли-то им никто не дал. Они батрачат там на условиях хуже любой крепостной зависимости. Крестьяне до сих пор не могут заниматься торговлей или ремеслом – только если не перейдут в немцы или не примут православие, став, таким образом, русскими, чего, понятное дело, могут не все. А латышам въезд в Ригу, Митаву или Ревель закрыт – селиться или даже пребывать там более суток они не могут. Телесные наказания и даже кое-где «право госпо-

дина» (воистину мерзкий обычай, оставшийся с орденских времен) остались распространены как прежде. Зато die Balten получили очередной повод считать себя выше русских – мол, и рабство отменили раньше, и сами столь образованные и прогрессивные, что сделали это по доброй воле. А что до сих пор воспринимаем, как должное, то, что крестьянские парни приводят нам своих невест в первую брачную ночь – то это ничего страшного, так поступали наши деды и прадеды, улучшали своей кровью заскорузлую крестьянскую породу, а критики ничего не понимают. И вообще, латыши и эстонцы – это не вполне люди, поэтому было бы глупым приравнивать их к себе самому. Такие рассуждения я слышу даже и от своей родни до сих пор, а на мои возражения и осуждения им всегда есть, что ответить: «В вашей Англии, может быть, это и непристойно, и дико, но у нас иначе нельзя!» В самом деле, нет пророка в своем отечестве, как с горечью сказал Спаситель. И самое страшное, что я сознаю – если бы я никуда не выезжал из Ливонии с самого детства, не видел бы, как живут мои современники в других странах по другим законам, не общался бы с просвещенными людьми, то тоже считал бы, что «у нас иначе нельзя».

Все члены «квартета», который в конце 1801 года решил перевернуть все государственное устройство, внося в него необходимые изменения, уже видели свет и бывали в других странах, причем живя там на протяжении долгого времени, приспособляясь к тамошним обычаям и законам. Им это ставили в упрек, разумеется: мол, какая разница, что и как принято в Англии (а про Францию я даже молчу), тогда как в России все иначе было, есть и будет? Но недостатки российского правительства виделись им со стороны куда более выпукло. Потому как они не воспринимают уже их как должное. Равно как и я теперь... Новосильцев быстрее всех привык к прежним условиям жизни в России. Кочубей учитывал сию разницу всегда, оттого и считается самым умеренным. Чарторыйский просто перечислял недостатки, не указывая, как их исправить, потому как всегда презирал русских как врагов народа, к которому он сам принадлежит. Строганов из всех них высказывался наиболее громко и непримиримо. Его действительно тошнило от несправедливости, царящей вокруг. От рабства, которое считалось само собой разумеющимся, «не нами придумано, не нам и изменять». От придворного церемониала. От того, что он сам, своими силами, мало что может изменить. Я ощущал себя примерно так же, но рот мне всегда закрывало бесчисленное количество условностей, мое воспитание и положение при Дворе и при государе, а также мой опыт придворной жизни при покойном государе. Когда я замечал некую несообразность повелений вышестоящих или же откровенное злоупотребление властью, то зачастую не мог высказать свое недовольство вслух или же начинал уговаривать себя, что «так принято», «все так живут», «иначе ничего не поделаешь». Но любому терпению рано или поздно приходит конец.

...Итак, я уже плохо помню, как отвечал по поводу ренты. Строганов, кажется, добавил: «Во всех странах так принято. И в Англии, если вы успели заметить».

Так он знал, что я провел более года в Англии? Не иначе, как государь поведал ему об этом. Я никогда не похвалялся своим опытом в свете – зачем? Но, разумеется, императору Александру о сем было хорошо известно.

Будучи в Британии, я не обращал внимание на устройство тамошней жизни, так как моя задача была иной. Конечно, заметил, что люди, в целом, живут лучше, особенно в сельской местности, – таких убогих деревень, какие бывают в средней полосе России или у нас в Лифляндии, не встретишь. Конечно, бедноты среди местных жителей виделось немало, но столь откровенного убожества и грязи в быту найти было сложно. Впрочем, как мне кажется, дело здесь не совсем в наличии или отсутствии достатка. Скорее, в общих привычках. Когда я бывал в разоренных войной и нуждой Нижних Землях, всегда поражался тому, в какой чистоте тамошние жители содержат дворы и дома, как стараются опрятно одеться. У нас же и в мирное время, без всяких неурожаев и недородов, такого не встретишь.

Честно говоря, тогда, в Девяносто четвертом, я и не задумывался о том, как живут в Англии обычные люди. Даже, кажется, и не знал, что крепостного права у них уже несколько столетий как нет. Меня тогда эти вопросы не интересовали. Это сейчас я могу написать по этому поводу целый трактат. Возможно, напишу. В отставке, когда мне совсем нечего будет делать. Но никто его не издаст и не прочтет нынче.

«Но у людей не будет собственного имущества. Тогда какая разница – рента или крепостная зависимость?», – спросил я тогда.

«Неужто вы не понимаете? Ощущать себя лично свободным – бесценно», – произнес Поль осуждающим тоном.

Потом он говорил мне, что был готов уже прекратить этот разговор и махнуть на меня, видя, что от меня ничего не добьешься, я полностью разделяю мнение «замшелых стариков» и сам к ним принадлежу. Но одна фраза, произнесенная мною, спасла мою репутацию в его глазах.

«Когда у человека нет никакой собственности, он ощущает себя не лучше раба», – выговорил я невольно, вспомнив унижения, которые пришлось нашей семье пережить в прошлом. Мы были бедны, не могли очень многого себе позволить, и никакая родословная с 12 века, никакое дворянское звание и достоинство не могли исправить реальное положение вещей. Что в них толку, когда живешь впроголодь и вынужден постоянно унижаться перед теми, у кого больше власти и денег? Строганову этого не понять. Равно как и многим другим, кто с детства не знал нужды.

«Вы читали Адама Смита?» – осторожно спросил мой собеседник.

Я покачал головой.

«Мне сие знакомо», – кратко отвечал я.

«Вы абсолютно правы. Нужна хотя бы возможность выкупать эту землю в ренту. Понятно, что могут это сделать не все, далеко не все», – задумчиво начал рассуждать Поль. – «Но надо попытаться...»

«Не все помещики согласятся на то, чтобы вводить подобную возможность», – произнес я.

Я как в воду глядел. Остзейцы в Шестнадцатом году не согласились – мой брат Карл писал мне об этом. «Земля не продается, у нас ее и так мало», – решил рижской ландтаг, и на том порешили. Вопрос земли и собственности на землю, как вы понимаете, в Ливонии крайне болезненный. Мои соотечественники скорее поступятся собственной честью и присягой, нежели землей, с которой получают доход. От того, наверное, у нас не принято землю закладывать, даже ежели имеются огромные долги. Сам факт, что на драгоценные акры, завещанные от предков, пожалованные царем или приобретенные на свои кровные, могут наложить руки другие люди, приведет любого Balte в бешенство. Поэтому в Двенадцатом году, при угрозе нашествия, никто из наших не сбежал в более безопасное место. Они решили вооружить своих людей и держать глухую оборону. Тогда я впервые зауважал тот народ, к которому сам по крови принадлежу. Не то, чтобы они были сами по себе храбры или настолько преданы государю российскому. Просто сам факт, что якобинцы в компании с поляками намереваются отбирать их землю, заставил хладную остзейскую кровь закипеть в жилах. Никаких прокламаций, вроде ростопчинских афишек, не потребовалось – все взяли оружие. Даже женщины. Даже горожане (возможно, потому что рижское и ревельское купечество из-за запрета торговли с Англией было на грани разорения и испытывало правомерное бешенство к тем, кто это вето навязал нашему государю). Даже латыши и эсты, которым якобинцы, как и всем крестьянам Империи, пообещали немедленное освобождение от крепостной зависимости.

Основной удар, однако ж, пришелся на русские территории. Бонапарт вознамерился идти на Москву, возможно, испугавших вероятных трудностей в Ливонии и близ Петербурга. Туда, впрочем, был брошен небольшой корпус, но активных действий не велось, а когда прусский

король наконец-то выступил за разрыв союза с Бонапартом и присоединился к нам, да и Бернадотт в Швеции тоже доказал свою лояльность императору Александру, французы быстро отступили.

Но пока мы ничего этого не знали. Даже не понимали, что «первый консул» внезапно захочет короноваться. Что мы вступим в долгую и кровопролитную войну с Францией, которая, как мне кажется, еще вскоре возобновится. Что все наши разговоры так и останутся разговорами, ибо вскоре станет не до них.

Я помню, что Строганов надолго задумался, а потом заговорил:

«Право слово, вы рассуждаете, как князь Адам. Он также упоминал эту возможность. Еще и говорил, что, мол, на таких условиях сами крестьяне откажутся освобождаться, а дворяне только подхватят – мол, видите сами, те люди, которых вы так упорно хотите облагодетельствовать, сами не хотят ничего менять. Пусть тогда все остается по-прежнему».

«Нужен закон, который не оставит дворянам выхода», – произнес я.

«Но это уже пахнет тиранией, вы не находите?» – раздался голос вернувшегося с бутылкой вина Новосильцева. Мы оба не заметили, как он вошел. Судя по его виду, он уже успел хорошенько подкрепиться выпивкой.

«Причем здесь тирания?» – возрился на него его кузен.

«А представьте сами. Без вашего сведения монарх принимает некий закон, причем не в ваших кровных интересах, и вам придется с ним смириться, иначе вы становитесь преступником. Как это называется?»

«Ники, ты опять об одном и том же!» – вспыхнул Поль. – «Мы же уже обсуждали это – и мне показалось, ты отлично понял разницу между самовластьем и законностью».

«Закон – что дышло, как повернешь, так и вышло», – Новосильцев взял сигару, зажег ее и затянулся, даже не закашлявшись. Подобно многим, он был способен курить лишь в нетрезвом виде. – «Кроме того, что мешает твоему возлюбленному монарху наприимать десяток законов, рескриптов и повелений, обязательных для исполнения всеми и каждому? Кажется, покойный Павел так и поступал, граф Кристоф может подтвердить», – и он выразительно глянул на меня.

Я промолчал. Мне очень не нравилось, куда вела эта беседа. Еще чуть-чуть – и мы бы пришли в тупик, а то бы и бурно рассорились.

«Мы уже говорили, что надо расширять представительство всех сословий... В идеале – принимать Конституцию», – устало выговорил Строганов сакраментальное слово.

Есть понятия, которые нынче приравниваются к проклятию. «Революция», «Конституция», «гражданские свободы», «вольность»... Я бы составил целый словарь, да все недосуг. Спасибо Меттерниху. И спасибо тем, кто поддался его дару убеждения.

Те несчастные сотни прапорщиков, решившие изменить Россию, написали аж два проекта Конституции. Один из них, казалось, представлял собой пересказ строгановской Конституции, которую мой приятель так и не дописал – к лучшему или к худшему, неизвестно. Вторым выглядел так, будто его сочиняли завзятые якобинцы. Никаких из документов я не видел, а допрашивал Алекса по их поводу. Он сначала спрашивал эдак осторожно: «А зачем тебе это знать?», потом как-то разговорился и все пересказал. Впрочем, по своему обыкновению, он толком и до конца ничего не дочитал, поэтому послал меня узнавать подробности у Дубельта, с которым я брезгую общаться по многим причинам. Однако ж я с детства таков – коли чего возжелал, обязательно добьюсь. В итоге, я явился перед фактическим руководителем петербургского «черного кабинета» во всем своем грозном облике высшего сановника и Великого Магистра, и не терпящим возражений тоном приказал мне вынуть из архивов материалы дела. Дубельт затрепетал, пытался отговориться, но я был непреклонен, и в итоге, поддавшись моему давлению, он вынул сакраментальную «Конституцию» Никиты Муравьева из хранилища, добавив с умыслом: «А вы ничего не знаете, Христофор Андреевич, о копии, хранившейся у вашего

первого секретаря?» Моим первым секретарем был в ту пору юный и горделивый князь Горчаков, знавший многих *les amis de quatorze* – а кто их не знал, собственно говоря, они все были светскими людьми из хороших семейств? Я не стал ничего говорить этой сволочи, только взглянул на него своим коронным взглядом, которого обычно побаиваются. «Впрочем, слышал я об этой некрасивой истории...», – продолжал глава жандармов. – «Вот истинная неблагодарность!» «Мне понадобится около часа на ознакомление с документами, Леонтий Васильевич», – холодно прервал я его разглагольствования. Тот и без того вел себя непристойно фамильярной манере, которая, впрочем, весьма нравится его непосредственному начальнику. Дубельт понял, что со мной такое не пройдет и удалился с обиженной миной на лице.

Я прочел. Обе вещи. Да, Муравьев описал все то, о чем говорил Строганов. Вплоть до проекта освобождения крестьян. Мне даже показалось, что формулировки фраз один в один списаны с его определений. Вполне вероятно, что сей граф Никита, лишенный дворянского звания и сосланный на вечную каторгу в Забайкалье, каким-то образом получил доступ к строгановским черновикам и переписал все показавшиеся ему интересными мысли, придав им окончательную форму.

Второй проект выглядел куда детальнее. Назывался он «Русская Правда». Составители руководствовались совершенно иными принципами. Главного автора сего проекта, полковника Пестеля, повесили на кронверке Петропавловской крепости. И было, за что. Потому как, ежели бы все их затеи каким-то несчастной волею рока осуществились, то наступил бы террор, по сравнению с которым якобинские злодеяния показались бы детской затеей.

Но меня не особо заинтересовал этот кровавый проект, предлагающий заменить власть монарха на тиранию «свободы». Я задумался о «Конституции» Муравьева. Откуда ему стало известно, что написал граф Попо 20 лет тому назад? Неужели Софья Владимировна отдала ему бумаги мужа? Не может быть. Поль сам мне говорил, что все уничтожил еще в Девятом году. Значит, что-то оставил все же? Но вряд ли бы он желал, чтобы его планами воспользовались потенциальные цареубийцы. Графиня Софья после гибели сына и смерти мужа закрылась в деревне, никого не принимала и ни с кем не общалась, кроме близкой родни. Вряд ли бы она согласилась показывать секретные бумаги супруга кому попало. Если только ее не принудили к сему обманом...

Все эти мысли пронеслись у меня в голове за какие-то мгновения. Было бы логичным поделиться сомнениями с Дубельтом, но этой дряни я бы не доверил ничего. Алексу тоже ничего не сообщил. Кто знает, на какие меры они пойдут, гоняясь за призраками крамолы? Менее всего мне бы хотелось, чтобы беспокоили графиню Софью. Она, впрочем, вполне может за себя постоять. Но когда в твои дела лезут непрошенные люди, вороша и оскверняя память о дорогом тебе человеке, тут никакая твердость духа не поможет. Кроме того, эти *souchons* непременно сообщат ей мое имя. А я и так перед ней весьма виноват, ибо (строки вымараны) ... Столько лет я пытался восстановить в ее глазах свое доброе имя. Кажется, восстановил. А эти пришли бы и снова выставили бы ее в моих глазах подлецом последнего порядка... Тем более, есть там и дела имущественные. На их майорат многие смотрели, облизываясь. Какой будет повод конфисковать его в казну!

Впрочем, я преувеличиваю о последствиях, – как всегда, «умная Эльза» мужского рода. Мне сложно писать о делах давно минувших дней, не вспоминая о том, что творится сегодня. Помню, слово «конституция» тогда не произвело на меня столь ошеломляющего эффекта.

«Без общего представительства, конституции и разделения властей никаких перемен не может сделаться, потому как иначе получается та же тирания», – продолжал хозяин дома еще более усталым тоном. Лицо его несколько потемнело, глаза померкли. Я невольно отвернулся от резкого ощущения – что-то с ним не вполне в порядке. Снова знакомое чувство молнией пронеслось у меня в голове. Я уже писал здесь, что иногда ощущаю, когда другим людям больно и плохо. Так вот. У графа в ту минуту начиналась сильнейшая мигрень. Такая,

от которой люди лежат круглыми сутками в темных комнатах с закрытыми шторами. Которая охватывает одну половину головы, от которой все известные средства мало помогают. У меня такое было после Аустерлица, когда я, падая на землю во время артиллерийской атаки, расшиб себе голову, переломал несколько ребер и повредил правую ногу. К счастью, прошло. У Поля не проходило никогда. Он научился терпеть и сохранять выдержку, но я-то всегда чувствовал, чего это ему стоит.

«Форма против содержания. Цели и средство», – проговорил Новосильцев, которому, судя по его виду и поведению, было безразлично состояние, в котором пребывает его кузен. – «Помнится, ты ранее говорил, что, мол, неважно, отменит ли рабство государь именным указом или же это сделает некий Сенат, Синод, Конвент...»

При слове «Конвент» Строганов сильно поморщился и осел на кресло, приложив кончики пальцев к левому виску.

«Вам нехорошо?» – тихо спросил я его.

«Пустое... Зуб мудрости болит, отдает в голову, бывает», – раздраженно отмахнулся от меня Польш.

«Ежели твоя голова болит от таких элементарных вещей, то ли будет, когда мы начнем решать реальные проблемы», – усмешливо произнес Новосильцев. Он совершенно не казался пьяным. Голос его был ясным и твердым. Жесты – уверенными и размашистыми. Хоть ставь его на трибуну. Меня такие слова покорибли, я не выдержал и сказал прямо:

«Вы что, не видите, что ваш кузен не может вести с вами теперь отвлеченные беседы, в его состоянии?»

Новосильцев иронично воззрился на меня.

«Вам-то какая печаль, Христофор Андреевич?» – произнес он по-русски. – «Как погляжу, вы очень добрый. А сие нехорошо. Нам нынче нужны злые, как цепные псы или граф Аракчеев».

«Довольно», – твердо, хоть и почти шепотом, отвечал граф Строганов. – «Уходи. Пропись. И чтобы до утра я тебя не видел».

Новосильцев вальяжно встал с дивана и не спеша двинулся к двери. Прежде чем выйти из кабинета, он проговорил:

«А коли, братец, зуб у тебя болит, так значит, надо его поскорее вырвать. Очень странно, что с этим ты тянешь, а с реформами – нет».

Мне сделалось крайне неудобно быть свидетелем семейной ссоры.

«Не обращайтесь на него внимания», – произнес Строганов слабо. – «В последнем он прав... Я ужасно боюсь этих клещей и кровящи, хлещущей изо рта, можете себе представить».

Я, лишившийся к тому времени уже пяти зубов, отлично его понимал. Металлическое лязганье зубоврачебных инструментов заставляет кровь холодеть в жилах, и уже кажется, что не так-то сильна была боль, – она в ту минуту делается весьма умеренной, а то и вовсе пропадает. Недаром насильственное удаление зубов – один из видов пыток.

«Не надо здоровые зубы рвать, они вам еще пригодятся», – тихо отвечал я. – «Голова у вас раскалывается не от них».

«А вы, что, имеете степень доктора медицины?» – слабо усмехнулся он. – «Так быстро выявили... Впрочем, возможно, вы правы. Это уже четыре года как продолжается...»

«Дайте руку», – деловито проговорил я.

«Но у меня нет жара», – удивленно произнес Польш.

«Я не собираюсь считать ваш пульс», – сказал я.

«А зачем же...?»

«Попробую убрать ваше болезненное состояние».

Строганов не стал подавать мне свою руку – напротив, прижал ее к себе плотнее. В голубых глазах его вместо боли отразилось недоумение.

«Вы практикуете животный магнетизм? Надо же...», – еле слышно ответил он. – «Никогда бы про вас не подумал».

«До вас просто не доходили определенные слухи обо мне», – усмехнулся я. – «Но я никогда не учился сему ремеслу. Оно как-то помогает... не знаю уж, как. Не уверен, что получится, кстати. Но попробовать стоит».

«Раз так, давайте попробуем. Все равно мне терять нечего», – Поль протянул мне левую руку. Я переплел его пальцы со своими, и закрыл глаза, считывая все то, что происходило в его теле ранее. Перед глазами проносились золотистые звезды, моментально взрываясь, прежде чем я смог обратить внимание. Мое тело постепенно наполнялось водой, тяжелой и горячей, как расплавленный свинец. Я разжал пальцы Поля после того, как эта влага подступила к горлу, дошла до моей многострадальной верхушки левого легкого... Продержись я чуть дольше, получил бы очередное обострение, как пить дать.

«Граф. С вами все в порядке?» – участливо произнес Строганов после небольшой паузы, во время которой я пытался отдышаться и прийти в себя.

«Все хорошо», – просипел я. – «Как вы?»

«Удивительно... Кажется, все прошло», – отвечал он. – «Но что с вами?.. Вы же сейчас сознания лишитесь! Воды, кто-нибудь!»

«Все нормально», – продолжал уверять его я более уверенным голосом. – «Просто поделился с вами силами...»

Я глотнул холодной воды из принесенного расторопным слугой стакана, вздохнул, откинулся на спинку кресла.

«Может быть, не нужно было этого?» – участливо спросил граф Строганов. – «У меня бы прошло. Оно со временем всегда проходит».

«Извините. Не могу смотреть, как человек мучается», – проговорил я в ответ. Потом, выдержав паузу, продолжал:

«Я могу ошибаться, но это точно не от зубов... И не от воспаления легких, которое у вас случилось лет пять тому назад... Кто-то вас изнуряет».

«Кто-то?» – удивленно переспросил мой друг. – «А не что-то?»

«Именно кто-то», – отчеканил я. – «В вашем окружении есть человек, которому ваши приступы мигрени крайне выгодны. Чем хуже вам, тем лучше ему... Более того, он берет ваши силы, так как своих не хватает... Не пугайтесь, такое бывает. Иногда».

«Вы можете его назвать?»

Я промолчал. Неужели он сам не догадывается?.. Впрочем, кому судить – я сам долго терпел над собой бесспорный авторитет и власть старшего брата. Мне нужно было тщательно осознать свои преимущества над ним, чтобы разорвать с ним отношения. Поль этого, к сожалению, не понимает покамест.

«Хорошо, что вы не ответили, а то я было подумал, будто вы совсем маг и волшебник», – с усмешкой произнес Строганов. – «Но вот что мне интересно самому – каким же образом у вас это происходит? Я имею в виду, лечение...»

Я примерно рассказал, что чувствую при этом.

«С вашим даром вам нужно было действительно идти на медицинский факультет... Я бы на вашем месте так и поступил», – заключил граф.

«Вы не первый, кто мне это говорит», – ответил я.

«Тем более, надобно было последовать советам», – подхватил Попо. – «Не зря же вам их давали».

«Медицина – ремесло», – откликнулся я, искренне не понимая, почему мой собеседник не видит того, что понятно было каждому остзейцу без объяснений. – «Не для дворян. Так, по крайней мере, мне всегда твердили. Моя семья бы не простила, если бы вместо военной стези я выбрал бы какую иную».

«Вот из-за таких взглядов и получаются революции», – заметил мой собеседник. – «Честный труд на благо ближнего для высших сословий полагается недостойным. А паразитический образ жизни – единственное, что причитается аристократу. Неудивительно, почему те, кто был вынужден кормиться от трудов своих, отдавая целые доли своих доходов на поддержание паразитов, решили поменять положение дел радикальным путем».

«Вы не правы в одном. У дворянина есть одна обязанность, коей нет у всех прочих. Обязанность умирать и убивать», – глухо произнес я.

Прошло много лет, а мысли этой я до сих пор держусь.

«Надо же. Я полагал, будто бы защищать Отечество – долг каждого порядочного гражданина», – проговорил Строганов. – «Не только дворянина».

«У нас нет граждан, а есть подданные», – напомнил я ему простую истину.

«И очень зря», – вырвалось у него.

Менее всего я желал спорить с ним на подобную тему. Здесь мы весьма расходились.

«Давайте говорить не о том, что будет в будущем, а о нашей с вами реальности», – произнес ровным тоном я, зажигая очередную сигару, уже четвертую за вечер. Без табака на подобные темы говорить невозможно, по крайней мере, мне.

«Реальность такова, что истинно свободны у нас лишь высшие сословия», – продолжил я. – «Те, что не платят подати. Любовь к Отечеству, как и любовь вообще – это проявление свободной воли свободного человека. Каким образом солдат – бывший раб, взятый в армию по рекрутскому набору – или крестьянин может любить Россию? Тем более, если он видит, что те, кто страной руководит, не делают ничего, дабы облегчить его бремя».

Попо усталился на меня так, словно я превратился в некоего пророка библейских времен. После Строганов признался, что в тот вечер я его постоянно удивлял своими рассуждениями. Он полагал меня куда глупее.

«Таким образом», – я не давал ему вставить ни слова, поддержанный порывом вдохновения. – «Ежели вдруг на Россию нападет враг, то можно полагать, будто основная часть населения может – вполне вероятно – перейти на его сторону. Особенно ежели этот враг будет говорить о том, что принесет свободу рабам и отмену податей всем остальным».

«Вы рисуете очень мрачную картину будущего, Христофор Андреевич», – отвечал Строганов. – «Но я думал о том же. И даже говорил о сем с князем Чарторыйским, когда объяснял ему причину распада Польши... Он очень оскорбился. Но на деле, я прав – Польшу сгубило рабство. И ее шляхта».

Еще бы сей пламенный патриот и представитель высшей аристократии своей державы не обиделся!

«Но впоследствии князь Адам признал мою правоту...», – продолжал задумчиво мой приятель. – «И я рад слышать, что и вы со мной согласны! И вообще, убеждаюсь, что у нас куда больше сторонников, нежели кажется на самом деле».

Я проговорил:

«В деле, которое вы решили предпринять, нет места мелочному соперничеству. И я настолько же далек от него, как и вы».

Эта фраза сделалась нашей декларацией дружбы. После нее мы оба поняли, что будем соратниками.

На деле все, конечно, сложилось вовсе не так гладко... Даже и со скандалом.

«Но все же... Вы про Ники Новосильцева тогда говорили?» – спросил Строганов на прощание.

Я кивнул, но осторожно добавил:

«И не только про него. Не все ваши друзья таковыми являются в сердце своем».

...Уезжал от него я вдохновленный. Вечером, у себя я вкратце изложил мысли на бумаге. Выглядели они отлично, но им не хватало практического, поэтапного плана с конкретными

сроками. Обычное рассуждение на вольную тему, ничего особенного. Я чувствовал, что этого недостаточно, и подавать государю в таком виде нельзя. Позже граф Попо подсказал, куда мне лучше применить мои желания послужить на благо Отечеству. Поговорил с государем, и мне дали месяц на поездку в Ливонию с одной небанальной целью...

Доротея. Век Просвещения

...На ней – тонкое батистовое платье, перехваченное под грудью, как сейчас носят и как ей безумно идет. Дотти даже не представляет, как выглядела бы в модах двадцатилетней давности – наверняка не слишком привлекательно. Волосы ее подвиты – два часа работы горничных и куафера, создававших, казалось бы, такую простую прическу. Золотистая кашемировая шаль с красным орнаментом и длинными кистями – подарок мужа – красиво драпирует ее плечи и руки. Вышивка на шали повторяет цветом и узором вышивку по подолу платья. Художник, мсье Кюгелен, несколько раз придиричиво поправлял ее, просил принимать те или иные позы – поворачиваться, наклонять голову, особым образом складывать руки – а еще до этого пересмотрел весь ее гардероб на предмет наиболее подходящей для нее одежды. Не очень одобрил украшения – на его вкус, жемчужные серьги не подходили к поясу и диадеме, – но снять их Дотти отказалась, а поменять парюру «Северная звезда» на что-то другое отказался главный заказчик портрета – граф Кристоф.

Графиня сперва отказалась от подобного дара – мол, что же во мне такого красивого, я признанная дурнушка, и нечего меня рисовать – но муж настоял.

«Мсье Кюгелен – признанный мастер, и на холсте ты увидишь свою внешность вернее, нежели в зеркале», – уверенно произнес муж.

«Как же так можно? Ведь зеркало показывает истину», – ответила Дотти.

«Видно, нет, ибо ты продолжаешь твердить о своей неприглядности с завидным упорством», – рассудил Кристоф и добавил, что уже договорился обо всем с художником и даже проплатил ему вперед, так что завтра – первая встреча.

«Картина будет висеть в моем кабинете, который ты с таким упорством хочешь переделать», – отвечал он, когда Дотти поинтересовалась, куда же он собирается повесить ее.

«Как будто ты против, Бонси», – усмехнулась она.

«О, вовсе не против, только, надеюсь, у меня тоже есть право выбора желанного убранства», – произнес Бонси. – «И да, будешь позировать, непременно надень Северную звезду. Тот комплект, который тебе дарили на свадьбу».

Дотти давно не надевала эти бриллианты и сапфиры. Отчего-то они казались ей не подходящими ни к одному ее туалету, слишком тяжеловесными, большими. Для них ей нужно. Во всех смыслах. *дорастит*

Сеансы у художника, оказавшегося весьма красивым молодым человеком, как успела заметить девушка, протекали всегда в присутствии двух горничных, задача которых заключалась в том, чтобы сидеть тихо и поправлять хозяйкину шаль или прическу по ее приказанию, красиво укладывать драпировки на платье. Рисовали ее в малой гостиной, рядом с развесистым цветком. Кюгелен объяснил, что фоном будет «естественная среда», – то есть, парк Петергофа, наброски которого он сделал летом. Доротея иногда усмехалась – нынче, когда за окном свирепствует непогода, они все воображают, будто она находится в некоем Эдеме, где в платьях с голой грудью и открытыми плечами совершенно не холодно, а шали нужны лишь для того, чтобы красиво обрисовывать фигуру.

Сеансы длились по паре часов, во время которых Дотти страшно скучала. И от нечего делать проигрывала в уме все дела прошедших дней.

Новости наполняли ее разум выплескивались в строки писем к братьям и отцу... Новости преимущественно хорошие, иногда скандальные, и каждая из них, казалось, имела особое значение. Она всегда делилась с ними мужем, но тот, кажется, не придавал значение тому, насколько важны эти сведения. А зря! Очень зря!

Другое еще занимало ее. После того, как она побывала у графини Строгановой впервые, месяц назад, странное, прежде незнакомое чувство зародилось в душе девушки. Можно было бы назвать его завистью, но лишь с большой натяжкой. Сама графиня Софья, ее манеры, обхождение, круг интересов, казалось, находились несоизмеримо выше на невидимой шкале, чем у Доротеи, не говоря уже о внешности и происхождении.

Дотти слышала, что говорили о муже графини – да и о их семье в целом, о его соратниках – в гостиной фрау Шарлотты или на раутах у вдовствующей императрицы. Вкратце – ничего хорошего. О Софье Владимировне шептались, будто она была в прошлом «слишком уж благосклонна» к государю, и пожилые женщины недовольно поджимали губы. От Доротеи ожидали, что она будет вторить им, а, узнав о приглашении в гости к Строгановым, накинулись с расспросами, при этом фрау Шарлотта проворчала: «Интересно, почему же вашему супругу непременно нужно дружить с ними?», но девушка предпочла промолчать, вопреки своему обыкновению. Долго она мучалась над вопросом: что же такого она испытывает по отношению к графине? Не сказать, чтобы Доротее были незнакомы терзания зависти. Конечно, всегда хочется получить то, чего нет. Но здесь она испытывала другое... Досада оборачивалась не на Софью Строганову, а на саму себя. Она взяла обыкновение часами простаивать у зеркала, внимательнейшим образом оглядывая саму себя, перебирать наряды, постоянно думая, достаточно ли изысканно они сидят, пытаться читать книги, в которых она мало что понимала. Давеча, когда муж застал ее за чтением Светония в оригинале – в книге она понимала только каждое третье слово – она с досадой сказала: «Я такая необразованная, Бонси». Она не запомнила, что же отвечал Кристоф. Кажется, ронял какие-то общие фразы, хвалил ее игру на фортепиано... Но что толком уметь играть по заранее записанным композиторами нотам, если та же графиня Софья, помимо фортепиано, владеет арфой и флейтой, да еще сама сочиняет мелодии? Дотти не стала этого рассказывать мужу, просто попросила его порекомендовать хорошие книги из его библиотеки. Она могла бы задать тот же вопрос и ее новой светской знакомой, но было стыдно признать свою неправоту. Более всего она опасалась не насмешек, а снисходительного тона, покровительства и заботливости. Ей и так уже было стыдно за свои неполные шестнадцать лет, слишком заметные в гостиной у Строгановых, рядом с этой дивно прекрасной женщиной с умом Афины Паллады. Хотелось выглядеть старше. Раньше казалось, что принадлежность к высшему свету и сам статус замужней дамы прибавляют ей лет, но в глазах других она до сих пор видела изумление, словно она пребывает не на своем месте.

Вместо совета по поводу книг Кристоф нанял ей учителей истории и географии, и нынче она почти каждый день слушала лекции о дальних странах и давних временах. Все это было крайне занимательным, да и в памяти откладывалось, но вскоре перестало Доротею остро интересовать. Что толку ей знать о сражениях и битвах? Или о том, сколько серебра добывают в Южной Америке и на какой точно параллели находится остров Куба? Возможно, мужчинам такие сведения покажутся крайне любопытными и полезными. Но Доротея слушала, позевывая, а на неизменную реплику преподавателя, пожилого профессора Йенского университета: «Есть ли у вас какие-нибудь вопросы ко мне, Ваше Сиятельство? Возможно, Вам что-то неясно?» неизменно давала отрицательный ответ. Позже она отказалась от уроков, так как начались сеансы портретирования, а на удивленные вопросы мужа отвечала так: «Он слишком неинтересно рассказывает». «Что именно тебе показалось неинтересным?» – задал вопрос Бонси, и Дотти не смогла на него ответить. Скорее всего, дело было в самих науках, а не в том, как излагал их преподаватель. Но цель была достигнута – теперь, при отсылках графини Софьи на какого-нибудь Марка Аврелия или Катона Доротея сразу понимала, о ком именно идет речь, и могла в общих чертах сказать, что же это была за личность в истории. Судьбы нынче живущих людей были не в пример интереснее, конечно...

«Наверное, Просвещение не для меня», – думала Дотти, меняя позу по указанию герра Кюгелена. – «А только для тех, кто в этом талантлив и кто более прилежен... К тому же, глупо чему-то учиться в моем возрасте».

Она вспомнила Фредерику. Вот кто умел рассказывать интересно, доходчиво и именно о том, что увлекало Дотти, что могло ей пригодиться в реальной жизни. Историю с географией она бы ей тоже рассказала совершенно иначе. Но где она сейчас?

При всех людях в жизни Доротеи ей отчаянно не хватало одного – подруги. Знакомых было полно. У сестры очень много забот, а ее обязанности при Дворе превышали даже Доттины. Позже та поняла, почему – перед вдовствующей императрицей за нее часто вступалась фрау Шарлотта, избавляя ее тем самым от самых нудных задач. У Марии такой свекрови не было. Подруги из института либо вышли замуж, либо ожидали замужества. Такие девушки, как она, оставались в одиночестве, вынужденные общаться только с теми, кто старше.

Было и другое. То, что уже начало несколько свербить в душе у Дотти. Брак всегда подразумевает рождение ребенка – так ей говорили, так и бывало у ее знакомых и родственников. Она уже больше года замужем. Но никаких признаков не видит. Признаки она прекрасно знала – сначала прекращаются ежемесячные кровотечения, потом припухает грудь, начинается тошнота и дурнота, которая длится до тех пор, пока беременность не будет видна окружающим... Всякий раз, когда кровотечения запаздывали хоть на пару дней, Доротея начинала нервно, и в то же время с надеждой прислушиваться к себе, чтобы потом, с некоторым разочарованием, смешанным с облегчением, встречать очередное недомогание. Она всегда слушала, о чем говорят дамы, когда мужчин нет рядом. Истории часто пугали ее: у такой-то роды были неудачные, ребенок шел неправильно, застрял в родовых путях, и пришлось его резать и вынимать по частям; у другой все прошло хорошо, но сразу после родов не отошел послед, поэтому она изошла кровью, оставаясь в сознании до последнего... Каждые роды обсуждались, комментировались, действия акушеров или докторов осуждались или, напротив, восхвалялись, и Доротея вскоре уже узнала обо всем, что ей когда-нибудь предстоит. «Главное – не паниковать и быть готовой к тому, что это будет больно. Очень больно, причем долго, – может, даже в течение суток», – добавила как-то ее свекровь. Такие предупреждения Доротею, конечно же, пугали, но в то же время она понимала – дело это неизбежное, нечто вроде последнего этапа посвящения в статус женщины. Все знакомые дамы пережили этот этап, состоявшийся из нескольких длительных фаз – беременность, иногда неудачную, роды, некоторые – кормление грудью, затем снова беременности и роды, и вспоминали об этом примерно так, как мужчины вспоминают о сражениях и поединках, в которых принимали участие. И когда ее сестра недавно, как бы невзначай сказала, что находится «в ожидании», Доротея только головой поникла, хотя и выдавила из себя улыбку, радостное поздравление, как и полагается в подобных случаях. От нее не укрылось чувство превосходства, отразившееся в серых глазах сестры, и она не могла этому ничего противопоставить.

«Кстати», – спросила тогда Мария. – «Слышала, что ты берешь уроки истории и географии?»

«Да, беру», – подтвердила графиня Ливен и начала рассказывать обо всем, что на них узнала.

«Нужно ли это тебе? Неужели ты не помнишь слова тамап – лучшая наука для женщины та, которая ей позволяет вести хозяйство и радовать мужа?» – произнесла старшая из сестер, изумленно глядя в сестру. – «Впрочем, я понимаю, зачем оно тебе нужно. Ты же сейчас дружишь с графиней Строгановой...»

«Я у нее бываю иногда, но называть наше общение дружбой не стала б», – отвечала несколько неуверенно Дотти, чувствуя, что сестра клонит разговор куда-то не туда.

«Мамап знает о том», – продолжала Мари. – «И не сильно одобряет твои к ней поездки... Интересно, куда смотрит твой муж?»

Доротея не стала говорить, что ее муж общается с «графом Попо», как прозывали в свете Строганова, едва ли не чаще, чем она сама – с графиней Софьей. Она поняла, что сестра обязательно расскажет о том Марии Федоровне, и последствия для мужа будут не очень хорошие.

«Bonsi дает мне полную свободу выбирать себе знакомых и друзей», – с некоторой гордостью в голосе произнесла Дотти.

«И зря. Скажу тебе откровенно – о твоих разговорах с молодыми людьми на улице и в свете говорят при Дворе... И не одобряют», – загадочно отвечала ее сестра.

«Кто именно при Дворе?» – откликнулась Дотти, вспомнив уже пережитый ею летом случай.

«Так вот, цесаревич Константин говорил со мной о тебе», – продолжила Мари.

«Уж кому судить о приличиях, как ему!» – расхохоталась Доротея. – «Лучше бы смотрел за собой».

«Ты не понимаешь», – Мари резко понизила голос. – «Если он уже справляется о тебе, то, значит, ты пользуешься определенной репутацией...»

Дотти поняла, что хотела сказать ее сестра, и густо покраснела. Потом нашлась, что сказать:

«Правда, ma petite soeur? Мне кажется, что у тебя обстоят дела еще хуже, раз с тобой он разговаривает напрямую, а обо мне справляется через третьих лиц».

Мария Шевич приняла такой вид, как будто Доротея только что дала ей смачную оплеуху.

«Я, кажется, не дала повода себя оскорблять», – с трудом выдавила из себя ее собеседница, причем вид у нее был такой, словно она едва сдерживает тошноту. Доротея невольно отодвинулась от нее, испугавшись за сохранность своего платья.

«А зачем ты лезешь туда, куда тебя не касается?» – откликнулась графиня Ливен. – «И тогда, и сейчас...»

«Я всего лишь хочу тебе помочь», – лицо Марии было совсем несчастным. Та прикрыла рот салфеткой и отвернулась. Дотти понимала, что с ней творится. В первые месяцы, как все рассказывают, многих женщин одолевает дурнота. Сестру ей было вовсе не жаль.

«Тогда ты тоже очень хотела мне помочь, да?» – накинулась на нее Дотти, не обращая внимания на то, что плечи Марии непроизвольно подергиваются. – «Из-за твоей помощи у меня чуть не расстроилась помолвка! А все потому, что тебе был нужен мой муж!»

Мари только выдавила из себя:

«Ты злая! Какая же ты злая... Впрочем, с кем поведешься...», – вскочила и выбежала из комнаты. Очевидно, позывы к рвоте стали совсем невыносимыми. Доротея развернулась и вышла из ее гостиной, не удосужившись попрощаться с ней. С тех пор они более не переписывались, и брат ее Константин, весьма благонамеренный и добрый молодой человек, тщетно доискивался причины ссор двух сестер. Потом формальные отношения были восстановлены, они, бывая в свете, здоровались и кланялись друг другу, но не более того.

Дотти поморщилась, вспомнив о случившемся. Она ни с кем не хотела это обсуждать. Уж конечно, муж для подобных разговоров не годился, равно как и братья – чего стоят неуклюжие попытки Константина вмешаться! Свекровь – тем более. Может быть, только Фемке. Или графиня Софья. Они бы не стали говорить общие слова о необходимости поддерживать родственные отношения, забыть былые обиды. Нет, они бы выслушали спокойно и все поняли.

«Итак, Ваше Сиятельство, еще пара сеансов, и картина будет готова», – объявил мсье Кюгелен через некоторое время, откладывая кисти в сторону.

«Можно, я взгляну», – Дотти передала шаль горничной и двинулась в сторону мольберта, но художник встал ей наперерез, покачав головой. С губ его не сходила тонкая улыбка.

«Ваш супруг хотел бы, чтобы портрет стал для вас сюрпризом. Да и мне, честно говоря, не нравится показывать незаконченные вещи своим заказчикам».

Доротея только вздохнула.

«Не беспокойтесь, результат вас приятно удивит», – продолжил художник, складывая мольберт и собирая краски.

...Вечером Дотти, лежа в кровати с мужем, вдруг вспомнила про сестру – второй раз за день, зачем же?

«Знаешь. У Мари будет ребенок», – проговорила она.

Кристоф, казалось, задремал, – долго не откликнулся. Но через какое-то время добавил:

«Передай ей мои поздравления».

Дотти не упомянула, что никаких поздравлений она передавать не будет по той простой причине, что зареклась общаться с сестрой. Она продолжила:

«Знаешь, у нас есть одна комната... Я думаю, как ее обустроить – под гостей или как детскую?»

«Обустраивай ее под гостей», – кратко и уверенно проговорил ее муж.

«Но ведь...»

Кристоф повернулся к ней и пристально взглянул ей в лицо. В неверном свете ночника лицо его показалось Доротее мрачным и озабоченным.

«Ты хочешь сказать, что тоже в тягости?» – спросил он напрямую, и в его голосе она не расслышала ни радость, ни надежду, скорее, какое-то отчаяние. – «Ведь я же...»

«Нет, совсем нет», – произнесла Дотти удивленно. – «Но когда-то наступит этот день... Рано или поздно».

Ей показалось, что муж вздохнул с облегчением.

«Лучше поздно, чем рано», – произнес он, закрывая глаза. – «Пока гости нам важнее... Приедет твой отец – где его поселим?»

Доротея не смыкала глаз. Вопросы роились в ее голове, но она не решилась тревожить мужа, чтобы их всех задать. Все же ему завтра вставать ни свет, ни заря.

Понятно, что ее Бонси детей не хочет. А, может быть, просто не ? В гостиной у графини Ливен-старшей давеча обсуждали и такое. «Обычно вину в неплодном браке сваливают на женщину», – говорила одна знающая дама. – «Но, как показывает жизнь, мужчины тоже бывают виновны в этой трагедии не менее, а иногда и более... Понимаете ли, беспорядочные связи...» *может*

Доротея невольно покраснела, а фрау Шарлотта, увидев реакцию невестки, мигом перевела разговор на куда более невинную тему.

Нынче Дотти вспоминала эти слова, и они вгоняли ее в краску. Почти каждый день они с Бонси близки. Иногда и по несколько раз подряд. Она могла быть уже беременной. Значит, дело либо в ней, либо в нем. Но если он так явно озвучивает свое нежелание иметь детей, то вполне возможно, что . Об этих мерах говорили шепотом, да таким, чтобы Дотти не расслышала, поэтому ничего конкретного она не уяснила. Потом вспомнила – когда они уже распались до крайности, и он уже дрожал, и глаза его делались совсем черными, он в последний миг резко отрывался от нее и с глухим стоном падал рядом, животом вниз... Ей всегда хотелось, чтобы объятия не размыкались до самого конца, и она часто держала его за руки, но в тот, последний миг, когда становилось особенно горячо, Бонси все же вырывался из плена ее рук, и только потом, когда последние судороги затихали, возвращался к ней... Теперь Доротее было понятно, зачем он это делал. Немудрено было догадаться. Но ? Разве ж суть брака – не в рождении наследников? Иначе зачем же все это? Надобно было спросить у него наавтра. *принимает меры зачем*

В обед Кристоф сообщил ей, несколько равнодушным тоном:

«Мне надо будет уехать в Ригу недели на две... Послезавтра выезжаю».

Через две недели должно уже наступить лютеранское Рождество, а нынче сезон был в самом разгаре. И что, ей никуда не выезжать в течение этого времени? Немыслимо! Это все она и высказала мужу, на что он отвечал:

«Алекс будет тебя повсюду сопровождать вместо меня, я уже договорился».

Потом, выжидаяще глядя на нее, произнес:

«Думаю, в Ригу ты со мной не захочешь поехать».

«Да меня никто ж не отпустит!» – воскликнула Дотти. – «Надобно будет у Ее Величества отпрашиваться, а я не успею уже...»

Муж выжидаяще смотрел на нее, а потом тихо проговорил:

«Интересно, твоя покровительница знает, что ты замужем, или запаматовала уже?»

Слова его показались Доротее дерзкими без меры. Кроме того, она не очень поняла, почему он с самого начала отмел даже саму возможность того, что она могла захотеть его сопровождать. Не то, чтобы ей сильно туда хотелось... Рига запомнилась девушке как нечто провинциальное без меры, отчего-то связывалась с холодом и льдом, еле развеиваемыми слабым теплом от печей. Вспомнился пузатый замок, вокруг которого стояло несколько полосатых будок с часовыми, вид на замерзшую широкую реку сквозь заметенные морозом окна, и какой-то затхлый, сырой запах в комнатах с низкими потолками.

«А я, пожалуй, поеду с тобой... Мне Катхен пишет, будто они уже переехали на сезон в Ригу и у них оркестр, будут балы обязательно. Я по ним всем соскучилась, видишь ли», – заговорила она, уклоняясь от вопроса мужа, который, услышав ее слова, казалось, принял несколько досадливое выражение.

«Но как же Ее Величество?» – спросил он, словно поддразнивая ее. – «Боюсь, по возвращению тебя ждет большой абшид».

Доротея покраснела. Внезапно она вспомнила очень давний разговор, еще перед свадьбой, когда муж пообещал заступаться за нее перед властью предержащими, в частности, перед Марией Федоровной.

«Я постараюсь... постараюсь отпроситься. Через Mutterchen», – выговорила она нерешительно.

«Ma chere», – муж решительно отложил от себя столовые приборы и отставил тарелку с недоеденным жарким. – «Сколько тебе можно отпрашиваться у нее? Ты прежде всего моя жена, потому уже крестница императрицы, дочь ее лучшей подруги, и прочая и прочая. И надо бы ей понимать уже...»

Он запнулся, увидев нескрываемый ужас в глазах Доротеи. Она впервые слышала от мужа такие слова по отношению к власти предержащим. Особенно по отношению к татап, к Марии Федоровне, такой величественной и несчастной. Ей хотелось откровенно возразить, упрекнуть его в том, что он забывается, что он просто не может такое говорить всерьез. Но в то же время она осознавала, что ее «Бонси» прав.

«Зачем ты так про нее? Она вовсе не такой тиран. Ты, верно, Альхена наслушался», – проговорила она тихо. – «Тот тоже вечно недоволен».

Кристоф понимающе усмехнулся. Алексу было за что быть недовольным. Ведь всякий раз императрица отчитывала его за «беспорядочный образ жизни», упоминая всех женщин – дворцовых служанок, фрейлин, актрис – с которым у него была связь. С мадемуазель Шевалье, нынче отправленной назад в Париж, он тоже развлекался, но Дотти никогда бы не осмелилась вызнаться у него подробности, равно как и он – рассказать их. Но «нерачительная растрата денег», по мнению Марии Федоровны, была куда большим грехом Алекса, нежели бесчисленные связи – довольно обычное дело для светских молодых людей его возраста. Естественно, подобный контроль кого угодно вывел бы из себя.

«Я и не говорю тут про тиранию», – с досадой произнес Бонси. – «Можешь решить, что ты хочешь для самой себя?»

Доротея опустила голову.

«Поеду с тобой», – быстро проговорила она в ответ, не поднимая на него глаз.

«Если у тебя будут спрашивать отчета, то я сам явлюсь перед императрицей и все ей объясню», – заговорил Кристоф. – «Успеешь собраться?»

«Конечно, успею», – усмехнулась она. – «А твоя сестра не будет досадовать на то, что мы нагреем нечаянно?»

«Знаешь, сколько раз я к ней эдак запросто приезжал?» – отвечал ее супруг. – «Катхен привычная, а с мужем своим она и так поговорит...»

Доротея оборотила на него взор глаз, в свете свечей блистающий ярко.

«Как там продвигается портрет?» – невзначай спросил Кристоф. – «Тебе еще не надоели эти сеансы?»

«Откуда ж мне знать, как он продвигается, когда господин Кюгелен мне никогда ничего не показывает!» – капризно произнесла Дотти. – «Он сказал, что это сюрприз. Небось, нарисует меня сущей уродиной».

«Ну уж нет, стиль у него всегда один и тот же», – разуверил ее граф. – «Видела же портрет царской семьи его кисти? Он постарается куда лучше».

«А почему же ты не хочешь сам рисоваться?» – вдруг спросила Дотти.

Вопрос, очевидно, застал ее мужа врасплох. Он пожал плечами и проговорил:

«Чего уж там рисовать?»

«Даже миниатюру не хочешь?»

«Да зачем? Не заслужил я портретов», – Кристоф посмотрел в сторону.

«А я разве заслужила?»

«Ты – дело другое», – отвечал он отстраненно. – «Что ж, надеюсь, дня на сборы тебе хватит».

«А скажи, зачем туда ехать?» – спросила Дотти.

«Я ж сказал – по поручению государя».

«По какому поручению?» – немедленно вцепилась в него девушка, и ее Бонси, очевидно, очень подосадовал на то, что упомянул об этом.

«Так... нужно составить один доклад и посмотреть на состояние дел в губерниях», – расплывчато проговорил Кристоф. – «По военной части».

В военной части Доротея не разбиралась совсем. Она ее совершенно не интересовала. Какой-то провиант, передвижения войск, цифры и длинные перечни непонятных названий и терминов. Она безмерно уважала своих родственников за то, что во всем этом находят какой-то смысл. От Дотти же суть всегда ускользала, и она даже не досадовала на это.

«Я и не сомневалась», – проговорила она несколько досадливо.

«Ну и надо проверить состояние наших имений», – продолжал Кристоф. – «Это мне уже поручила матушка».

Доротея как раз не была сегодня у свекрови, поэтому та ничего не сказала о поездке мужа.

«Но тебе не обязательно ехать в эти деревни», – добавил граф, увидев, как жена помрачнела. – «Оставайся в Риге, там, верно, будет весело...»

«Надеюсь на это», – и девушка кинулась в обсуждение тамошних знакомых, балов, обедов...

«Главное, не слишком поражай местных дам туалетами. Они в сей науке не слишком сильны. Катарина и так у них сидит как бельмо на глазу, а тут еще и ты во всем петербургском блеске», – добавил Кристоф.

«Ну, рядиться в то, что они там обычно носят, я не буду», – уверила его супруга.

«Дорогая, нам и так там все завидуют», – вздохнул граф. – «Не хватало, чтобы и ты пострадала от сей зависти».

Он мог бы и не предупреждать. Об этом чувстве, «чудовище с зелеными глазами», Доротея уже прекрасно была наслышана. Раньше ее даже радовало, когда ей завидуют. Этот факт

возвышал ее в своих собственных глазах. Но нынче стала все более понимать, что ничего в этом хорошего нет.

«Это ты говоришь из личного опыта?» – почему-то поинтересовалась она у меня.

«Дорогая», – сказал он утомленным голосом. – «Я всегда все говорю из личного опыта. И завидовали мне по-черному. Полагаю, что до сих пор завидуют...»

«Кто?» – ахнула девушка.

«Ты сама скоро о них узнаешь», – загадочно произнес муж. – «Обычно они не молчат, а вполне откровенно о себе заявляют».

И этот факт ей был тоже известен. Вспомнилась сестра, все ее слова и поступки. И она спросила:

«А что, если завистником оказывается самый близкий человек?»

Кристоф пожал плечами.

«Это доказывает только то, что он ни в коей мере тебе не близок».

«Ну а если он из твоей семьи?»

«Сложные ты вопросы задаешь на ночь глядя», – слабо улыбнувшись, откликнулся ее супруг. – «Кабы я знал на них ответ...»

«Значит, ответы я буду искать самостоятельно», – решила про себя Доротея, но вслух этого не сказала.

Впоследствии она их все найдет. Не сразу, но постепенно. Ее любознательность, неутомимость и открытость ко всему новому в этом деле весьма поможет.

Декабрь 1801 года, Санкт-Петербург, Рига, Остзейский край

«Я ничего не обещаю», – граф Ливен смотрел в окно, за которым сгущались ранние зимние сумерки и тихонько сыпал снег, обременяя собой тонкие ветки молодых лип, высаженных вокруг Строгановского дворца. Его собеседник испытующе глядел на него ясными голубыми глазами. Слишком честными. Без второго дна. Эта честность Кристофа смущала всегда. Потому что он понимал – ответить полной откровенностью он графу Строганову никогда не сможет.

«Понимаю», – проговорил граф Павел без тени улыбки. – «То, за что вы взялись, еще никто не делал. Никто откровенно не говорил о нашем предприятии с другими, не посвященными. И, признаться, ваша инициатива удивила меня».

«Надеюсь, вы не сообщили государю о том, что эта идея исходит от меня?»

«Как уговаривались, Христофор Андреевич», – заверил его Строганов. – «Но, право, я не понимаю, зачем вы так скрываетесь. Уверен, государь оценит ваши труды по достоинству и только поблагодарит вас».

«К тому же, всем известно, что настоящий автор – вы», – раздался голос из темного угла, где восседал Новосильцев, посасывая сигару. – «Достаточно сопоставить несколько простых фактов. Кто у нас бывал в Лифляндии вроде бы как по семейному делу и по поручению государя? Граф Ливен. Кто у нас родня всем ливонским баронам и может вызнать их настроения, так сказать, в частном порядке? Граф Ливен. Наконец, кому из великого круга остзейцев, собравшихся при дворе, могут быть интересны подобные материи? Конечно же, графу Ливену».

Кристоф передернул плечами так, словно ему за шиворот навалили снега, как делали в его детстве злые, настырные мальчишки во время игр зимой на улице. Граф Николай казался ему вот таким малолетним хулиганом, который только рад ему досадить.

Его присутствие было обязательным по умолчанию, поскольку здесь, у Строганова в кабинете, нынче собрался весь Негласный комитет. Чарторыйский вчитывался в короткую, на три четверти листа, пояснительную записку, в которой содержался составленный Кристофом план будущего доклада, и, наконец, прочтя ее, передал Кочубею, который читал ее как

раз в этот момент. Расслышав произнесенную Новосильцевым тираду, он откликнулся ровным голосом, будто успокаивая разозлившихся детей:

«Полно, Николай Николаевич. Если граф не хочет, чтобы его имя указывалось, так значит, благоразумнее было бы оставить доклад анонимным».

«Анонимным?» – нахмурился Чарторийский. – «Но это будет невозможно, господа».

«Он предлагал подписать его моим именем», – заговорил Строганов.

Кристоф снова испытал острое желание взять и выйти. Ему было крайне неприятно, что его обсуждают нынче в третьем лице, словно он взял и испарился из этого сумрачного, душного кабинета, оставив «квартет», как прежде, заниматься своими делами. «Долгоруков, в сущности, прав», – думал он. – «Не надо мне было с ними связываться с самого начала... Но теперь-то сказанного и сделанного не воротишь... Кроме того, кому нужен будет проект, ежели его составим мы с Долгоруковым, Волконским и еще, допустим, Толстым? Да на него не обратят ни малейшего внимания. Здесь же есть хоть какой-то шанс вывести его из сумрака».

«Господа», – произнес он вслух, тихо, что заставило всех невольно к нему прислушаться. – «Я соберу подписи тех своих соотечественников, кто мыслит со мной едино...»

«Да, там будет только ваша подпись, ну еще, быть может, вашего брата или свата...», – проворчал Новосильцев.

«Как известно, у нас, die Balten, родни видано-невидано, поэтому отметится почти вся Остзея», – пошутил Ливен, что немного разбавило обстановку. Чарторийский воззрился на него с большим любопытством, и на лице его, сумрачно-смуглом, до дерзости красивом, нарисовалась тонкая улыбка.

«Как видите, в сем случае кумовство полезно», – добавил граф Павел.

«Боюсь, моя бы родня меня прокляла, заявись только я к ним с этим предложением», – проговорил граф Виктор Кочубей.

«Я уже молчу о своей... о нашей», – добавил Строганов.

«А что же скажете за шляхетство польское, князь?» – испытующе спросил у Чарторийского Новосильцев.

Кристоф кожей почувствовал напряжение, исходившее от Адама, как только тот услышал обращенный вопрос. Очевидно, это был уже не первый случай.

«Поляки покамест не могут ничего поделать, пока не получают свободу», – отозвался он глухо.

«Свободу гнобить своих холопов, или, как вы там их называете, bydlo?» – поднял брови Новосильцев.

Чарторийский посмотрел на него так, что на месте Новосильцева Кристоф бы провалился в подпол от стыда. Ему показалось, будто в глазах польского князя отражается огонь, яростный и неукротимый, который ныне спалит дерзкого строгановского кузена.

«Ну вот опять...», – вздохнул Павел, прикасаясь знакомым уже Ливену жестом к вискам. – «Суть нашего разговора вообще не в том».

«Ну как же не в том? Все взаимосвязано», – откликнулся Никки Новосильцев. – «Ежели мы освободим рабов, то сие не только в Великороссии или, допустим, Остзейском крае должно произойти, но и на тех польских территориях, которые достались нам по разделу... Иначе сие будет бессмысленно. А вот ежели Польша вдруг объединится, что делать с теми территориями, где крепостное право осталось? Что же из себя будет представлять это государство? Да и стоит тогда его вообще объединять...»

Кристофу надоело это слушать, тем более, он видел и чувствовал, что каждое произнесенное Новосильцевым слово увеличивает головную боль несчастного графа Попо и заставляет князя Адама резко бледнеть. Тот даже привстал, услышав последнюю фразу, и Ливен стал опаса́ться, будто тот сейчас подойдет к Николаю и ударит его. В этом невысоком, изящном человеке крылась какая-то большая сила, которая могла бы поразить и здоровяка Новосильцева.

Кристоф никогда не симпатизировал польскому делу в целом и Чарторыйскому в частности, но нынче что-то заставило его встать на место князя и понять, что тот нынче чувствует.

«Польша, Николай Николаевич, сама будет решать в таком случае, какие законы ей надобны...», – сказал он голосом, не терпящим возражений, и выразительно взглянул на Новосильцева, отчего его лицо совсем потемнело. – «Но мы, однако ж, сильно отклонились от темы...»

Далее заговорил граф Кочубей:

«Ежели эффект от вашей петиции будет столь же высок, сколь мы ожидаем, то мы сделаем то же самое в других губерниях... В идеале представители каждой губернии должны будут подать петиции. Но так как это займет слишком много времени, то достаточно будет лишь ключевых, наиболее важных губерний».

«И почему же мы тогда начинаем с Остзейского края?» – мстительным тоном заговорил Новосильцев. – «Всем нам прекрасно известно, что ливонские бароны или польские шляхтичи мыслят вовсе не так, как дворяне Тульской губернии...»

В его глазах зажегся лукавый огонек. Он явно ожидал, что на его издевку скажет Ливен. Реакции Чарторыйского были ему слишком хорошо известны, даже, верно, наскучили.

«Напротив, господа», – произнес Кристоф так, словно ожидал такое возражение. – «Я заметил, что у многих есть представление об остзейцах как о необычайно просвещенных и прогрессивных людях...»

Новосильцев фыркнул от еле сдерживаемого смеха. Строганов бросил на него осуждающий взгляд.

«Так вот, с прискорбием вынужден заметить, что сие не так», – твердо продолжал граф Ливен, скрестив на груди руки.

«Самокритичненько...», – протянул Новосильцев еле слышно.

«В определенном отношении представления моих соотечественников остались на уровне Темных веков», – продолжал Кристоф. – «Поэтому не вижу смысла полагать, будто средний остзейский барон мыслит как-либо иначе, нежели, например, средней руки помещик из-под Курска... Материальные интересы практически те же самые. Более того, я полагаю, что в некотором отношении русские помещики более гуманны к своим подневольным людям».

«Это почему ж?» – внезапно спросил Кочубей.

«Вы с ними – единый народ», – произнес Кристоф бесстрастным тоном. – «Тогда как у нас – все иначе...»

«Прямо как в Северо-Американских Штатах», – добавил Чарторыйский. – «Негры-рабы и все остальные...»

Пришел черед краснеть и Ливену. Хотя он и подумал, что поляк сказал правду. В некотором смысле, правду. В Штатах негров полагают не вполне людьми, а животными. Некоторые бароны считают латышей и эстонцев говорящей скотиной. Кристофу попадались писанные полвека назад сочинения пастора Менделя, сочувственно относившегося к простому народу, и он обратил внимание, что его описания наружности, быта, нравов и обычаев латышей напоминают по тону и манере выдержки из «Естественной истории» или из тех статей «Энциклопедии» Дидро, где речь шла о диких обитателях леса. Такое ощущение, что сей служитель Господа, благотворитель и благодетель, не считал, что эти люди наделены бессмертной душой, такой же, как те, в чьих жилах текла кровь немецкая или шведская.

«Можно подумать, в Польше как-то иначе...», – начал Новосильцев, но невольно замолчал, когда Строганов стукнул в столешницу кулаком и закричал, теряя выдержку:

«Замолчишь ли ты когда-нибудь? Ну почему ты все время мешаешь?!»

«Изволь, кузен», – обиженно произнес Новосильцев. – «Я могу вообще ничего не говорить».

«И было бы очень хорошо», – добавил Польш. – «По крайней мере, нынче».

«Прошу вас, не ссорьтесь», – умоляющим тоном заговорил Кочубей. – «Давайте вернемся к делам. Ваше Сиятельство, какие-нибудь вопросы у вас имеются?»

Кристоф, к которому была обращена последняя реплика, только головой покачал и добавил:

«Я весьма ценю свободу действий, которую мне предоставляют, и благодарю за оказанное доверие».

«А как же без свободы действий?» – добавил князь Адам. – «В таком деле она только и нужна...»

«Понимаете, я человек военный», – словно оправдываясь, произнес Кристоф. – «Доселе я лишь действовал по приказам свыше, и не привык их оспаривать. Это дело для меня вновь, поэтому мне вполне естественно сомневаться в правильности своих поступков».

Новосильцев опять хмыкнул.

«Это понятно», – проговорил Строганов. Тот выглядел совсем больным. Ливен подумал, что ему опять придется его «лечить», но нынче он не мог. Не чувствовал в себе такого желания. Слишком много сил потрачено на этот разговор и на те беседы, что предшествовали ему, оставляя в его душе только желчь. А в таком расхристанном состоянии помогать другому – все равно что калечить...

«Желаем вам удачи», – криво улыбнувшись, произнес Новосильцев, и встал первым. За ним, с пожеланиями и светскими улыбками, последовал Кочубей.

Чарторыйский чуть задержался, а потом, не спеша вставая, проговорил, глядя прямо в глаза Кристофу:

«Вы мне определенно нравитесь, граф. Можете говорить то, что никто, кроме вас, не скажет. Ценное качество, и не столь часто встречаемое. Поэтому я верю в то, что все у вас выйдет».

Ливен не чувствовал себя польщенным столь длинному комплименту, поэтому он лишь поклонился и попрощался с князем, оставшись со Строгановым наедине.

«Я, кажется, понял, кто забирает у меня все силы», – проговорил он, глядя мимо Кристофа. – «Никки, вот кто».

Кристоф вспомнил давешний разговор с женой, жаловавшейся на зависть со стороны сестры. И в самом деле, свои часто хуже чужих. Сам знал.

«Не советуйте мне отказать ему от дома», – продолжал Поль. – «Я не смогу этого сделать...»

«Как так оказалось, что он настолько близок к вам?» – поинтересовался Ливен.

«Это долгая история, и не знаю, стоит ли ее рассказывать...», – отвечал Строганов.

«Я понимаю», – произнес Кристоф. – «Он вам родня, но стоило ли его вовлекать?..»

«Видите ли», – безразличным тоном откликнулся Поль, наливая воды в стакан. – «Никки непременно нужно вручить в руки какое-то дело. Он, в сущности, умен и оригинален, но если его ум простаивает, то он начинает беситься... И ладно, если он просто дерзит. Бывало ж и хуже гораздо, я видел...»

«Я понимаю, о чем вы», – проговорил граф.

«Вот, допустим, скажу я ему: „Убейся!“, так он сначала запьет, на месяц так, потеряв всякий человеческий облик, а потом пойдет вешаться», – мрачно произнес Строганов. – «И что ж, я душу его погублю? И кто я после этого буду?»

«А губить собственное тело и душу – это хорошо?» – прямо спросил Ливен. – «Я же вижу, что с вами творится в его присутствии...»

«Причем здесь я?» – проговорил Поль. – «Я пропащий человек, Христофор Андреевич».

Граф изумленно воззрился на своего знакомого.

«Зачем вы так говорите?» – только и сказал он.

«Вы не знаете, что я делал и творил», – Строганова несло, и Ливен очень этому удивлялся – они же ни рюмки не выпили. Столовое красное вино, поданное к обеду, не считается,

с него так не развозит. Очевидно, что-то давно мучило Поля, и пришла пора ему этот камень с души скинуть.

Любой другой на месте Ливена побудил бы графа Павла к дальнейшим откровениям, но тот их пресек, сказав:

«Вы ничего такого не делали».

«Делать революцию – это все равно что вскрывать нарыв», – произнес Строганов задумчиво. – «Вам никогда не вскрывали? Когда оператор проводит по опухоли ланцетом, то сначала брызжет гной, потом идет кровь, иногда очень много крови... Но затем все зарастает и становится лучше...»

«Но на месте нарыва часто образуется рубец», – продолжил Кристоф. – «След остается. А иногда вообще больное место лучше не трогать, а постараться избежать нагноения сразу же, как только началось воспаление... Политика и впрямь, как погляжу, сильно походит на медицину. Те же методы ровно».

«Именно», – произнес Строганов. – «И наша задача – оздоровить Россию и не допустить, чтобы ее раны совсем загрязнились. Если их можно будет излечить припарками и мазями, то я буду только за... Но, как показывает практика, на подобного рода недуги долго не обращают внимания, надеясь, что они сами как-нибудь рассосутся».

«И очень зря», – договорил Кристоф. – «Потому как следы революции, увы, необратимы».

«Я это понял только сейчас», – вздохнул граф Павел. – «Но тогда...»

«Тогда вы были отроком», – оборвал его Ливен. – «И подчинялись старшему».

«Поймите, что и потом я думал, будто бы со мной поступили несправедливо», – Строганов решился на откровения, и Кристофу они были несколько в тягость. К тому же, он догадывался, что, вывалив свою долю признаний, его визави потребует того же от него.

«Я полагал, что только там был свободен и счастлив, а очутившись здесь, подумал, что заперт в клетке...», – он почти что плакал. – «Да вы, небось, не понимаете».

«Я все прекрасно понимаю... Вам, верно, доносили, где я был в Девяносто пятом», – со вздохом начал Кристоф.

«Что-то такое слышал, но полагал сие преувеличением... Неужто это правда?»

Граф Ливен обреченно кивнул.

«Когда я вернулся, то понял, что уже разучился находить счастье в мирной жизни», – добавил он, опустив глаза. – «И на моих руках поболее крови, чем на ваших. Пусть я носил не фригийский колпак, а Сердце Христово на груди».

«Вы рисковали всем. Если бы узнали, то могли бы и на гильотину отправить... Равно как и меня», – добавил его собеседник. Глаза его из голубых сделались темными, тревожными.

«Но полно говорить о прошлом», – прервался он. – «Оно для того и дано, чтобы строить будущее».

«Скажите, почему Новосильцев так ненавидит князя Адама?» – рассеянно спросил Кристоф, задумавшись о чем-то своем.

«Все очень просто. Полагает, будто я слишком много с ним общаюсь», – произнес граф Павел. – «И будто бы тот имеет на меня слишком много влияния... Знаете, вы правы. Мне давно уже надо отстранить Николая от себя. Но, коли мы заняты в общем деле, то, покамест сие дело не будет окончено, я ничего не могу сделать с этим».

«Поэтому в ваших интересах закончить все как можно быстрее», – закончил Кристоф. – «И я вам в сем постараюсь помочь».

«Буду вам крайне в сем признателен, Христофор Андреевич», – проговорил Строганов несколько отстраненно.

...«Кажется, мне удалось расколоть квартет», – подумал граф Ливен, выйдя на улицу, в стужу и ветер, неприятно охватившие его после теплоты дома, в котором он провел немало

времени. Торжества от осознания своей победы он не испытывал и подумал, что делиться этой новостью с Долгоруковым лучше не нужно. У того и так возникнут вполне правомерные вопросы, почему, мол, Кристоф общался с «квartetом» за его спиной, да еще и в друзья напросился Строганову, и придется долго, как ребенку, разжевывать ему свои мотивы. Пусть лучше князь Петр и прочие увидят результаты – дела сделаны, при этом каждый остался на своем месте, да еще и выиграл от этого, насколько возможно. «А с Новосильцевым надо было быть поосторожнее...»

В следующую минуту он мигом вспомнил подходящую случаю пословицу: «Quand on parle du loup, on en voit la queue» («О волке вспомнишь, уже и хвост видать»). Новосильцев догнал его, одетый весьма легко, и махнул рукой.

«К сожалению, мы с вами не попрощались, как следует», – проговорил Николай с нарочитой любезностью, вызвавшей в Кристофе некую оторопь и сожаление о том, что придется вступить в разговор, дабы не прослыть нелюбезным букой.

«Сожалею», – ответил граф довольно сухо. – «Впрочем, я был уверен, что вы уехали со двора».

«Почему ж? Просто ушел к себе», – улыбнулся Новосильцев. – «А нынче подумал, что неплохо бы поехать развеяться. В Красный Кабачок, на Елагин остров... Есть пара мест. Не составите ли компанию?»

«Извините, но меня и так уже дома заждались», – отказался от сего заманчивого предложения Ливен.

«Вот так всегда. Мужчины женятся, и многие удовольствия прошлых лет становятся им недоступны», – вздохнул Новосильцев. Он выглядел так, словно выбежал из дома в последний момент, оттого Кристоф и не поверил его словам, будто он только сейчас приготовился куда-то ехать.

«Возможно, это и к лучшему», – пожал плечами Ливен, желая одного – найти какой-нибудь предлог, чтобы отделаться от строгановского кузена.

«Любовь приходит и уходит, а свобода остается», – пространно заметил его собеседник. – «Посему я, наверное, и не женюсь. К тому же, вы же знаете мои обстоятельства...»

«Нет, не знаю», – Кристоф посматривал на улицу в ожидании кареты, которая до сих пор не подъезжала. Наверное, он ушел слишком рано.

Тут Новосильцев подошел к нему ближе и проговорил попросту, словно сообщал некий общеизвестный факт:

«Так я бастард».

«Vraiment?» – бросил с некоторым равнодушием Кристоф.

«И не говорите, что этого не знали», – добавил его собеседник. – «Верно, там, в кругу вдовствующей государыни, перемыли кости моей маменьке, царство ей Небесное, господину Новосильцеву, *le mari complaisant*, который знал на что шел, ну и я молчу про своего дядюшку, он же батюшка нашего великодушного Попо... Все подробности рассказали, даже те, о которых вышеуказанные господа и знать не ведали».

«Уверяю, подобные подробности мне совершенно не интересны», – отпечатал Ливен, думая, что же задерживает кучера. Мог бы и пораньше выехать, раз уж на то пошло... Или надобно уже попрощаться и дойти до дома пешком? По такому ветру, однако, нечего и думать. Менее всего хотелось опять простудить многострадальное свое плечо и свалиться с неременной лихорадкой накануне запланированного отъезда. А он непременно схватит ее, так как одет образом, совершенно не подходящим для длительных прогулок в зимний петербургский вечер.

«Так вот, тот факт, что моя матушка, будучи девицей, не устояла перед искушением, делает меня совершенно негодным товаром на ярмарке вельможных женихов», – о себе Новосильцев говорил с явной охотой и необычной, непонятной Кристофу прямоотой. «К чему это он эдак разговаривает?» – промелькнула мысль в голове графа. Он подумал, что Новосильцев

эдак еще и назовет имя своего реального отца, ежели оно, конечно, было тому известно, и будет внимательно следить за реакцией на эти сведения.

«Признаться, это к лучшему. Ибо, как бы не была очаровательна девица, каким бы ангельским характером не обладала, в душе они все тираны, которые хотят, чтобы вы принадлежали ему безраздельно. Те беды, с которыми мы нынче боремся, по сути, созданы дамой – не случайно, вы не находите?» – велеречиво продолжал его собеседник.

«Вам не холодно эдак?» – поинтересовался Ливен, больше не из заботы о своем собеседнике, а из желания сменить тему.

«Мне? Да я холод люблю», – усмехнулся Новосильцев. – «И никогда ничем не заболелаю. Это отличает меня от Попо, помимо всего прочего. Однако ж, спасибо за заботу. Вы, как я погляжу, весьма внимательны к другим и предупредительны. Не столь часто встречающееся качество...»

«Благодарю», – холодно произнес Кристоф. Слишком много комплиментов ему эта четверка наговорила. Не к добру это, понятное дело.

«Раз вы столь внимательны, я вас хочу предупредить касательно Чарторийского... Впрочем, вы и сами понимаете», – продолжил Николай доверительным тоном.

Лицо Кристофа казалось окаменелым и не отражало ничего – ни удивления, ни благодарности.

«М-г Новосильцев, я здесь лицо стороннее», – проговорил он холодно, не поддаваясь конфиденциальным интонациям своего собеседника. – «И отношения я буду строить только с теми, кто поможет мне добиться тех целей, которые я преследую нынче».

«Чарторийский вам в этом явно не поможет, несмотря на всю лесть, которую он вам наговорил», – отвечал Новосильцев.

«Равно как и вы», – парировал Кристоф, отойдя от него. Наконец, он увидел фонарь своей кареты и сухо попрощался со своим собеседником, прежде чем тот захотел добавить что-то к своим словам.

...В карете он снова подумал, что обрел весьма могущественного врага. Но графу было все равно. «Обычный паяц», – думал он. – «Чему он может повредить, тем более, если Строганов выступает за меня и перед государем, в случае чего, защитит?» Вспомнилось, как граф Павел оправдывал своего кузена, и на мгновение сомнение поселилось в сердце Кристофа – вдруг в последний момент струсит, предаст. «Нет, граф Поль не из тех, кто способен на это», – отогнал он от себя мысль. Кристоф не решался назвать себя разбирающимся в людях, но понимал со всей ясностью, что Строганов весьма храбр и тверд, пусть сперва это и не видно. И Поль готов бороться до конца за то дело, которое посчитал своим. С таким человеком можно иметь дело и называть его своим соратником...

CR (1830)

Остзейский край, от которого я стремился откеститься несколько раз в жизни своей, постоянно всплывает в моей жизни в связи с различными обстоятельствами. Верно, «черного кобеля не отмоешь добела», и сколько бы я не притворялся космополитическим аристократом, не привязанным особенно ни к какой земле, рано или поздно мое балтийское происхождение настигало меня. К добру или к худу?

Не секрет, что своих соотечественников я никогда особо не жаловал. Понятия не имею, почему многие русские дворяне по старой памяти полагают нас какими-то особо просвещенными. Другие ненавидят нас за инаковость и надменность, полагая, что мы всегда тянем своих, полагаем себя чем-то лучше русских и презираем всех, кто не умеет говорить с характерным рижским или митавским выговором. Как будто сами дворяне русского происхождения менее склонны к кумовству и презрению к не таким, как они!

По поводу свойства *die Balten* оказывать протекции своим – в верности этого я убедился в конце 1801 года, когда занимался своим проектом «Об облегчении положения крестьянства».

Расскажу, однако ж, по порядку, чем моя затея закончилась. Вкратце, после этого я пообещал себе, что никаких дел с соотечественниками, если они, конечно, не являются моими близкими родственниками, иметь не буду.

Поездка не задалась с самого начала. Выехали мы в хорошую погоду, но где-то у Нарвы внезапно с небес полетел снег. Сначала выглядело сие мило, но потом началась сильная метель. Кроме того, моя жена, которая согласилась сопровождать меня в той поездке, внезапно захворала – одна из ее бесконечных грудных болезней, мучающих ее почти каждую зиму. Пришлось останавливаться на одной из почтовых станций, где уже застряло немалое число путешественников, и ни мой грозный вид, ни категоричные требования не смогли ничего изменить. Так мы встретили лютеранское Рождество – в душном деревянном доме, полутемном, к тому же, так как смотритель отчаянно экономил на свечах. Как сейчас помню – Дотти беспокойно дремлет в импровизированной постели, которую мы устроили в красном углу – все комнаты были заняты проезжающими, да к тому же знаю я, как выглядят кровати в таких местах и какая разнообразная флора и фауна обитает в этих тюфьях. Я то и дело хожу курить в общую комнату, а то и на улицу, что вызывает праведное возмущение смотрителей станции и неких почтенных эстляндских матрон, которых метель застала на границе. Мне было жутко обидно, почему все так сложилось, заодно тревожно за свою супругу, хотя доктор и сказал, что ничего кроме обычной простуды, которая проходит недели за полторы, с Дотти нет.

Приближается полночь, и тут дверь распаивается, и я вижу барона Германа фон Левенштерна, в охотничьих сапогах и крагах. Он смотрит на меня с явным изумлением, словно не веря, что такая птица, как я, могла бы оказаться здесь, в подобной обстановке.

«Граф... фон Ливен?» – переспросил барон, не веря своим глазам.

«Как видите», – попробовал я улыбнуться. – «И я не один такой несчастный».

«Действительно, никогда такого не было, и вот опять... Снег в декабре!» – сей Левенштерн был молод, младше меня даже, кажется, и весел до крайности. – «Собственно, я тут друга хотел встретить, но, как видно, он поедет дальше... А что же вы лошадей-то не поменяли?»

«Дело не в лошадях. По такой погоде нам ехать нынче опасно», – я понизил голос и указал в сторону, где почивала моя жена, а ее девушка вытирала ей пот со лба – липовое питье подействовало, как должно.

«Скверно... А я не знал, что вы успели жениться», – произнес мой собеседник.

«Как же, разве Бенкендорфы вам не говорили?»

Герман только рукой махнул.

«Но, право, это смелый шаг, как сказала бы моя маменька...», – протянул он, не ответив на свой вопрос. – «Странно, однако, в Петербурге самый сезон, а вы стремитесь укрыться в деревне».

Я вкратце поведал ему о своем поручении, не вдаваясь в детали и не называя никаких имен. Мой собеседник остался впечатлен.

«Я слышал, что вы один из приближенных государя, но чтобы настолько...», – проговорил он. – «Впрочем...»

Он достал из-под полы тулупа пару бутылок – кажется, с красным вином и с местной наливкой и проговорил, скромно указывая на искомое:

«Не желаете ли?»

«Почему бы нет?»

Сидели мы поначалу довольно тихо, чтобы не будить спящих. Затем отошли в столовую, где смогли шуметь, сколько душе угодно. Вскоре, однако ж, к нам присоединились и другие, и я уже вещал нечто о сути своего проекта. Надо признать, что половина из собравшихся ничего не поняла. Старушки только головой кивали – от согласия или от безразличия, кто-то – кажется, Искюль – проворчал в мой адрес: «Якобинство уже и среди наших парней

в моде, как погляжу...», а несколько офицеров, а вместе с ними Левенштерн меня горячо поддерживали. Тут же начались разговоры о карьерах и протекциях, и тут почтенные фрау мигом вышли из оцепенения, а ворчливый барон превратился в самую любезность... Барон Герман рассказывал какие-то истории про своего брата Карла, служащего во флоте бок о бок с адмиралом Крузенштерном, планирующим кругосветное плавание, и кстати просил меня заехать в Ревель, встретиться с оным мореплавателем и заверить его в поддержке его проекта. Затем он несколько раз упомянул второго своего брата, Вольдемара, указав, что «ваша любезная супруга должна его знать, его Бенкендорфы любили всегда...» Словом, я надавал столько обещаний, сколько не давал во всей своей жизни, и у меня промелькнула мысль, что их стоило бы записать на бумаге.

Итогом этой ночи стало то, что наутро, не думая, что нас ждут в Риге, мы поехали в гости к Левенштернам на одну из множества их мыз, куда-то под Пернавой. О делах – никаких разговоров, словно бы я не рассказывал тому же Германну о моем проекте днем ранее. Мне не давали ни слова вставить, а лишь возили из одной мызы на другую, щедро кормили и поили, устраивали охоту и спрашивали с меня разнообразных протекций. Крузенштерна я так и не увидел, а позже узнал, что тот устроил свои дела самостоятельно, без моего вмешательства, разве что пару раз зашел в гостиную к моей матушке, но это не считается.

Все эти выезды и пирушки были, разумеется, *sans dames*, как принято в Остзее, а это весьма зря. Присутствие прекрасных дам и девиц скрашивает общество и облагораживает атмосферу в нем. Без этого любое сборище непременно превратится в банальную попойку. Доротее было отчаянно скучно, и от скуки она заболела еще раз, не успев толком оправиться от прошлой простуды.

Чем быстрее шли дни, тем в большее отчаяние я приходил, видя, что безбожно оттягиваю решительный разговор со своими соотечественниками. Но наконец-то сей миг настал, и состоялся нужный, хотя и болезненный разговор как раз на новогоднем приеме у баронов Штакельбергов, на который явились и мои родственники, в частности, мужья моих сестер, Бурхард фон Фитингоф, как раз инспектировавший свое эстляндское имение Коссе, и неизменный Георг фон Поссе, которого привлекла в сем сборище перспектива большой охоты и дармовой выпивки. Катхен на нас, помнится, обиделась и не стала сопровождать мужа, под предлогом болезни своих младших детей. Что и к лучшему, как оказалось после.

Те две недели, что отделяют «немецкое» Рождество от всеобщего Нового года, у *die Balten* посвящены разъезду по родственникам, свойственникам и знакомым, у кого они, конечно, есть. А так как почти каждый остзейский барон вынужден подчиняться диктату родни, то находятся они у него быстро. Уж не знаю, по каким предложениям нас затащили к Штакельбергам, так как в родословной они у нас не числятся. Мыза у них огромная, три с половиной этажа, лакеи вышколены и притворяются, будто сроду не знают эстонского, да и сами бароны имеют множество претензий на образованность и великосветскость, поэтому гостиная и зала обставлены у них в стиле Римской империи, который тогда только входил в моду, в кабинете у барона множество книг на всех языках Европы – неважно, что более половины из них уже десяток лет пылится на полках не разрезанными, и вообще страшные претензии на *bon ton*.

Съехался народ со всех провинций, и, если я буду перечислять фамилии, то век не упомяну их все. «Словно ландтаг у нас!» – произнес Фитингоф. Тот давно уже пытался узнать у меня, что же привело меня в Остзею – не верил, что простое желание повидать родню. Наконец, я смутно намекнул на что-то вроде «реформ, которые следует произвести государю, дабы не повторять ошибок предыдущего царствования». Этого намека оказалось достаточно, и вскоре о предполагаемой цели моего приезда говорили все вокруг. Мнения составились весьма противоречивые, но, в основном, на меня глядели неодобрительно. К тому же, я столкнулся с некими господами, которые являлись конфидентами моей матушки, среди них – господин Коцебу. В начале обеда, когда все еще были более-менее трезвые, а значит, притихшие,

он подошел к тому концу стола, на который усадили меня, взял меня под руку и эдак доверительно шепнул:

«Право слово, Ваше Сиятельство, мне совершенно не было известно, что вы нынче друг графа Строганова? Как же так вышло, с вашими-то роялистскими симпатиями?»

«А почему же вы полагаете, Herr Freiherr, будто Строганов – не роялист?» – спокойно произнес я, отирая руки льняной салфеткой.

В тускло-серых глазах моего собеседника отразилось недоумение, смешанное с сожалением. Так смотрят на душевнобольных, за одного из которых Коцебу меня в ту минуту и принимал.

«Вероятно вы не знаете», – начал он медленно. – «О делах этого господина в Париже. Он носил фригийский колпак...»

«Простите, кто носил фригийский колпак?» – проговорил мой сосед справа, барон Штернберг.

«Закадычный дружок моего beau-frer'a», – выговорил уже умудрившийся где-то напиться Георг фон Поссе. – «Там у них, в Pettsburg'e, свои нравы...»

Послышался шум, который донесся до дам. Те – опять же, по старинному балтийскому обычаю – сидели напротив господ и в нашей беседе не участвовали. Я увидел, как соседка, молоденькая баронесса Левенштерн, что-то спрашивала у Дотти, которая то краснела, то бледнела. Я бросил гневный взгляд на мужа своей старшей сестры, отчего тот что-то проворчал и уткнулся в свою тарелку.

«Более того», – вещал Коцебу драматичным тоном, достойным героев его знаменитых пьес. – «Сей господин донес на французскую королеву, когда она решилась бежать из Парижа, дабы избежать неминуемой расправы! Благодаря ему, безбожники узнали о ее планах!»

«А вот это уже ложь», – проговорил я как можно более твердым голосом. – «За нее граф Павел мог бы требовать у вас сатисфакции. Возьмите свои слова обратно, герр Коцебу».

Тот сидел пунцовый, как вареный рак, и нервно сжимал в левой руке вилку.

«Фрау графиня, вероятно, и не знает о взглядах своего сына», – прошипел он. – «Право, не знаю, доложить ли ей сию горькую правду или же пощадить ее чувства».

«Довольно», – сквозь зубы произнес я, про себя досадуя, что ничего из этого никогда не выйдет. – «Я сказал, возьмите свои слова обратно».

Коцебу смерил меня с ног до головы изумленным взглядом своих выпученных глаз.

«Если хотите, передайте моей матушке, что я опасный якобинец. Она получит подтверждение своих догадок», – добавил я, усмехнувшись.

Внезапно двери распахнулись, и вышколенный лакей донес о прибытии «графа и графини Ливен». Братец мой Карл с супругой – кто ж еще мог приехать в сей поздний час? Самое интересное, к чему же это?

Внимание отвлеклось на них, и моя стычка с герром Коцебу позабылась на мгновение.

Брат мой весьма отощал и даже, как мне показалось, поседел. Шел он, опираясь на трость, что меня огорчило. Я на миг закрыл глаза, попытавшись настроиться на него. Ага, все ясно... Падение с лошади, не ранее месяца назад, перелом берцовой кости. Очевидно, на охоте, по тогдашней слякоти. Потом я еще считал с него множество различных хворей, которые донимали его последние года два. Три горячки, четыре лихорадки, обострение залеченной язвы... Неудивительно, что после такого мой старший брат предпочел жить на покое в деревне.

Анна же выглядела весьма привлекательно, была изысканно одета, и, приблизившись к столу, задушевно обняла Дотти, хотя с нею не была знакома – на свадьбу нашу не приезжала.

Добавлю, кстати, для тех, кто удивится таким манерам – остзейские бароны в те годы отличались отсутствием всевозможной чопорности и славились своим гостеприимством, которого не встретишь в Петербурге. В этой части с ними могли посоперничать только польские

шляхтичи. Поэтому опоздавшего к столу пустили, да еще налили ему дополнительную чарку вина.

Карл подошел ко мне, мы весьма тепло обнялись, словно при расставании не били друг другу морды и я не вышвыривал его вещи из дома. Поздоровавшись с бароном Коцебу, он попросил его уступить место, весьма любезно, чему сочинитель с явным облегчением подчинился.

«От Зентена путь неблизкий», – напомнил я.

«Ерунда, бешеной собаке семь верст не крюк», – легкомысленно произнес мой брат.

«Ну и досталось тебе», – промолвил я.

«Очень не хватало тебя, ты ж умеешь снимать боль», – признался Карл. – «А так, прослышал про твой приезд от сестры, вот и решил засвидетельствовать почтение. Кроме того, Анхен хотя бы раз в жизни надо вывезти в свет, а то она от тоски лезет на стену... Кстати, почему ты здесь? Там же самый разгар сезона, да и под конец года дел наваливается немало, я ж помню».

Из-за стола выйти никакой возможности не было, а объясниться здесь я не мог. Уж не помню, чем я отговорился, но задал встречный вопрос:

«А тебе с чего пришла гениальная идея сюда приехать? Ты знаком со Штакельбергами?»

«С кем я только не знаком», – отговорился мой брат.

«Мне здесь не рады», – усмехнулся я ему на ухо. – «За пять минут до твоего приезда я чуть ли не заколол вилкой Коцебу».

«За что ты так с этим божьим одуванчиком?» – усмехнулся Карл. – «Он мучал тебя чтением своих пьес вслух?»

«Напротив, он полагает, будто я опаснейший якобинец, по той лишь причине, что я лично знаком с графом Строгановым».

Карл сделал паузу, пытаясь, видно, припомнить, кто таков сей Строганов. Как видно, неудачно, однако просветителей здесь хватало немало.

«Ничего не понял, кроме того, что ты нечто затеваешь в Петербурге, и здешним баронам сие пришлось не по нраву», – подвел он итог.

«В целом, ты прав», – и я кратко пересказал ему суть проекта, не называя никаких имен, дабы не возбудить желчи в тех, кто случайно или намеренно подслушает наши речи.

«Дебилы», – проговорил Карл, выслушав меня, и было непонятно, к кому его суждение относится.

«Ну ничего», – добавил он. – «Найдем повод внушить им здравомыслие».

Мое главное отличие от старшего брата заключается в умении произносить длинные речи и сочинять письма. Он и первое, и второе делает куда более убедительно, так, что все впечатляются.

Когда стрелки часов подходили к двенадцати, что знаменовало собой окончание предыдущего года, и все встали с бокалами шампанского в руках, Карл попросил слова. Здесь я приведу, конечно, не полную его речь, а что до сих пор помню спустя столько лет.

«Итак, дамы и господа, все понимают, что случилось в этот год. Кончилась одна эпоха и началась новая, которая обещает нам многое, как всей Империи, так и Остзейскому краю. В очередной раз нас признали, сохранив за нами все привилегии и добавив новых...»

«Каких же?» – прервал его хозяин дома, явно не довольный тем, что граф Ливен-старший отодвинул его в сторону.

Карл выразительно поглядел на меня. Пришлось мне продолжить его речь, под шепотки и гул изумленной публики.

«Нам предстоит показать себя самыми просвещенными подданными императора Александра», – начал я немного неуверенно. – «И поставить подписи на прошении об улучшении положения нашего крестьянства».

Шум сделался нестерпимым. Я улавливал отдельные выкрики «*émancipation*», «это нас за Палена наказывают», «чего наказывают, когда государь, говорят, сам повелел ему...», «да Ливен все врет», и замолчал, выжидая, пока буря эмоций стихнет. Дамы, все как одна, не исключая и Дотти, сидели в ужасе, словно мы с Карлом объявили о начале революции и реквизиции собственности.

Часы начали бить полночь, и мне осталось только закончить так и не начатую речь восклицанием: «Виват, император Александр!», которое, разумеется, было поддержано с восторгом, и наступил Новый, 1802-й год, и все побежали смотреть фейерверки, внимание вновь перетянули на себя хозяева, а про нас с Карлом забыли. Тот глядел на меня с явным неудовольствием, так как я скомкал всю его триумфальную речь, уже заготовленную им в уме. Он сказал:

«Да, тут предстоит действовать только силой».

К нам вскоре присоединился наш встревоженный *beau-frere* Фитингоф.

«Кристоф», – сказал он с изумлением. – «Я не перестаю вам поражаться. Что же это значит, *l'émancipation*?»

«Было бы хорошо, ежели так», – дерзко произнес я, глядя в небо, где разрывались фейерверки.

«Но это же очень несвоевременно...», – начал он осторожно, словно имел дело с неким опасным безумцем. Я понял, что барон Бурхард не забыл о том, как я уложил Анрепа. Да здесь и так половина народу об этом знает, вот как глядят на меня Розены – опасно, и в то же время восхищенно, или же прекрасные нимфы баронессы Лиленфельд, исподтишка эдак. Кажется, перешептываются об «актрисе Шевалье» и обо мне.

«Что ж твой тесть здесь не присутствует? И почему ты еще не у него? Наверняка, прелестная Дотти захочет повидать своего отца», – самым светским тоном начал Карл, дабы отвлечь Фитингофа от его рассуждений и опасений.

Я развел руками.

«Все случилось очень спонтанно. Ежели бы я не повстречал Левенштерна, все сделалось бы весьма хорошо...», – а сам подумал, что, в самом деле, надобно откланяться и отправиться в Ревель, где проживал нынче Одиннадцатый, а там уже заняться проектом вплотную.

«Бедная графиня сама выразила свое недоумение», – поддакнул барон Фитингоф. – «Видать, она нездорова».

«Ну почему же, я вполне здорова», – улыбнулась Дотти. – «Но подождите... Почему я ничего не знала о твоей затее, Бонси? И в самом деле, почему мы не у рара, и почему он сюда не приехал?»

Я снова развел руками. Что я мог отвечать? Что она зря вообще приехала?

«А у тебя этот проект на бумаге есть?» – спросил тут же Карл, отведя меня за руку от всех остальных.

«В том-то и дело, что мне предстоит его составить», – разъяснил я. – «Но, как вижу, все тщетно. Само упоминание о нем встречено в штыки».

«Просто ты об этом деле говоришь не так. Хотя ты прав, напирая на просвещенность остзейцев. Все и такую грубую лесть склюют, а уж наши *competentis*, то бишь, знатные ученые мужи Штакельберг, Унгерн и вот тот», – он показал в сторону Фитингофа, который, по своему обыкновению, мило беседовал с Дотти. – «Будут счастливы, как никто».

«Верно, и не там я об этом говорю», – вздохнул я. – «И не тогда».

«Не обращай внимание на этих болтунов», – продолжал подсказывать мне брат, хотя его вообще никто не спрашивал. – «Ты вот что – составь поначалу этот проект, а потом собирай подписи, и никому не давай с ним ознакомиться, кроме тех, кто обязательно захочет это прочитать».

«Это мошенничество», – произнес я отчего-то.

«Но без него ты ничего не добьешься».

«Вам бы с Новосильцевым сойтись...», – я взял у него из рук протянутую сигару и закурил с большим удовольствием. – «Тот тоже полагает, что всего можно добиться только силой».

«А что поделаешь? В России все-таки живем, хоть здесь и притворяются, будто бы нет». Вскоре ко мне подошел сам хозяин дома и осторожно поинтересовался:

«Но все же, что угодно сделать Его Величеству с нашей землей и людьми?»

«Ничего особенного», – сказал я, туша сигару с большим сожалением. – «Просто напомнить всем остальным дворянам Империи, что их люди тоже являются людьми. А мы должны первыми подать пример».

«Боюсь, что начинать надобно не с нас, а с кого другого», – произнес молодой голос, и я заметил рядом с хозяином юношу, высокого и худого, с растрепанными темными волосами.

«Мой племянник», – извиняющимся тоном произнес хозяин. – «Студент, они все вольнодумцы, да и дерзки без меры».

«Барон Иоганн-Магнус фон Штрاندманн», – представился мой будущий конфидендент, секретарь и хранитель дела.

«Очень приятно», – откланялся я. – «Но пока есть подобный шанс, грех им не воспользоваться».

Далее я объяснил, что о настоящей эмансипации говорить и впрямь очень рано. Карл постоянно вставлял свои мысли в мои пояснения, так, что я начал уже путаться. Вскоре вокруг нас собрался целый кружок, включавший в себя и некоторых дам.

«Может статься и так, что нам этого прошения будет достаточно», – продолжал Карл. – «Мы покажем себя вернейшими подданными...»

«А с какой стати нам это нужно?» – заговорил Штернберг.

«С той стати», – подхватил Фитингоф. – «Что в таком случае все наши привилегии останутся в целости и сохранности. Чего вам стоит поступиться в малом, чтобы получить большее?»

«О каком большем вы говорите, Herr Freiherr?» – спросила милейшая мадам Лиlienфельд, матушка этого очаровательного выводка баронесс.

«Да, и какие точно привилегии сохраняются?» – подхватил Штакельберг.

«Все без остатка», – уверил Фитингоф.

«И даже владение людьми?»

Бурхард согласно закивал, отчего я побледнел в злобе и предпочел покинуть собрание, бросив на beau-frer'a уничижительный взгляд. Итак, этот толстяк все мои идеи переврал! Прекрасно!

Я нашел Дотти и проговорил о том, что, мол, пора спать укладываться ей. Та выглядела довольно-таки измученно и прошептала: «Бонси, ну давай же завтра выедем в Ревель... Я отпишусь отцу, он нас встретит».

Мне нечего было на это ответить. Я только кивнул и проводил ее в спальню, чтобы вернуться – не скрою, с большим сожалением – к гостям. Конечно, я мог бы сам улечься спать, но моя битва еще не была закончена. Надо довести ее до конца, пока и вовсе не переврут все, а потом подумают, что я, мол, так пошутил, и забудут о моих словах напрочь.

К счастью, поляна заметно поредела, и многие, в том числе, этот дурак Коцебу, отошли спать. Дам так вообще почти не осталось. Таковы уж наши провинциальные нравы – полночь кажется безумно поздним временем. Остались лишь те, кто привык к ночным бдениям. Среди них были все те, кто посвящен в мой проект и его поддерживал, но и недовольных хватало, среди них – Штернберг, да и Поссе, слонявшийся со злым и одновременно унылым выражением лица. Он-то на меня и накинута первым.

«Как всегда», – проговорил он сквозь зубы. – «Вы откуда-то являетесь и свои порядки вводите... Учите, как жить. Просвещенный!»

Последнее слово мой родственник выговорил так, словно накладывал им на меня некое заклятье. Я молча отстранил его со своего пути, получив в спину восклицания: «Да как ты смеешь!», «Совсем обнаглел!», «Господа, меня оскорбляют, а вы так спокойно смотрите! Не потерплю этого!»

«Пьяная дрянь», – проговорил спокойно Карл, усаживая Георга на канапе. – «Ежели не умеешь себя пристойно держать, так не приезжал бы».

«А ты так вообще...», – начал Георг, но зуботрещина, которую отвесил ему мой старший брат, утихомирила буяна.

«Удивлен, откуда у Штакельберга такие знакомые», – проговорил я своему брату, брезгливо отиравшему платком ладонь, которой он только что врезал в рожу своему родственничку. – «И как этот тип вообще на приглашение напросился?»

«Да все просто. Минна сказала ему, что не желает его видеть в таком виде дома», – спокойно ответил Карл. – «Тот и уехал, ведь возразить ей никак не возможно... А эстляндцы эти принимают всех, вне зависимости от того, каково их поведение в свете».

Я промолчал, поняв, что так и не ответил на вопрос – за что моей старшей сестре такое наказание? Ничего страшного она в девичестве не сделала...

«Он меня явно не любит», – произнес я. – «И потом, шесть лет назад он столько не пил, насколько помню... Обычно пристрастие к вину делает человека добрее, а здесь, значит, исключение».

«Вино в человеке раскрывает все говно, которое в нем содержалось изначально», – отвечал на это мой брат. – «А Георгу немудрено спиться, судя по тому, как его обдирает управляющий».

«Что ж он не прогонит сего управляющего?» – разговор наш опять уползал в сторону, но эту сторону при составлении проекта мне нужно было учесть. В самом деле, большинство имений у нас управляется сторонними людьми, и только редкие помещики – в основном, те что победнее, мои братья здесь представляют собой одно из немногих исключений – берут дела в свои руки.

«Там какая-то дурацкая история, в которую я не хотел вмешиваться», – Карл запустил руку в карман и нахмурился, не найдя в нем никакого табака. – «Впрочем, Минна знает, как вести себя с подобным муженьком и взяла дела в свои руки. За нее я не волнуюсь, если ты об этом».

Мы прошли в карточную комнату, где уже начиналась игра по-маленькой. Фитингоф, Штернберг, Розен и еще кто-то, не упомню уже кто, составили партию в баккара. Нас вовсе манили усесться играть, но этого мне хотелось еще меньше, чем пить. Я вообще был необычайно трезв и при этом зол. Заметил я также и юного Штрандманна, который не играл, а стоял и следил за раздачей карт.

«Осторожнее, а то вызовете неудовольствие за подглядывание в карты», – проговорил я полупшепотом.

Юноша повернулся и воззрился на меня недоуменно.

«Частая ошибка», – продолжил я спокойным тоном. – «В вашем возрасте я ее тоже совершал, и отхватывал заслуженное наказание».

«Подтверждаю, это так. И наказывал его я», – усмехнулся Карл. – «Чтобы от других еще большее не досталось».

Любой другой на месте бы Иоганна-Магнуса вспылел, наговорил дерзостей, а то бы и позвал к барьеру, но тот задумался, а потом улыбнулся и проговорил:

«Пожалуй, вы правы. У меня не идет из головы ваше предложение... Оно весьма смутно, не скрою», – проговорил он. – «И я так и не дознался до его сути...»

Фитингоф оторвался от своих карт, но остальные игроки притворялись, будто бы ничего особого не происходит. Тучный Розен, сидевший к нам спиной, с трудом повернулся и проговорил:

«Потише, господа, вы нас отвлекаете!»

«Простите великодушно, герр Виллибанд», – любезно произнес Карл в ответ. – «Мы найдем другое место для разговоров...»

Фитингоф был в отчаянии. Я прямо-таки чувствовал, как ему хотелось побросать карты и, тем самым, сломать партию, а затем присоединиться к нам, чтобы выяснить, о чем мы будем беседовать, и вставить в наш разговор свое весомое слово. Но я пригвоздил его взглядом к месту, и он со вздохом начал выкладывать свои карты на стол – все мелочь, которая не принесет нормальных очков.

Итак, проект мой первоначально обговорили мы втроем. Я повторил, как можно более прилежно, все то, что мне рассказывали члены нашего «квартета», не упустив соображений.

«Так мы же прославимся как самые просвещенные подданные государя!» – воскликнул Иоганн-Магнус. – «И почему же вас никто не понял и принял сразу же?»

«Потому что среди наших с вами соотечественников слишком много тех, для кого эпитет „просвещенный“ сродни самому грязному ругательству», – припомнил я то, что наговорил мне Георг фон Поссе.

«Но как же так?», – Штрэндманн и впрямь недоумевал. Позже я понял, почему. Он воспитывался в тепличной атмосфере, бабушкой – женщиной очень образованной и широко мыслящей, редкость среди остзейских дам, его интересы поощрялись, да и круг общения был совершенно иной. Учителя все сплошь были людьми достойными, и никто ему не говорил, будто он «слишком умный».

«Да вот так», – подхватил Карл. – «Но других людей у нас нет, будем улучшать нравы тех, что есть».

«Право слово, я уже усомнился в успехе моего предприятия», – добавил я, оглядываясь на дверь, из которой мог выйти кто-то проигравшийся и поэтому обозленный на весь свет и начать к нам приставать с разговорами. – «Здесьним людям и впрямь куда важнее напиться и нажраться... Конечно, не исключено, что я выбрал не то время года».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.